

СОВЕРШЕНСТВО

Xiao Rin

Средневековый Китай. Одна из прекраснейших женщин империи в очередной раз собирается замуж. Жених обеспокоен тем, что прошлые мужа невесты умерли при загадочных обстоятельствах, и поэтому приглашает в город старого друга с просьбой расследовать эти странные происшествия. Детектив должен понять, кто убийца, каковы его мотивы и как с ним связана неизвестная тень, что преследует красавицу.

Глава 1

— Опасные нынче времена наступили, друг мой.

— Опасные, да. Но когда, скажите мне, они были неопасными?

— Что верно, то верно.

— Но даже опасные времена не повод не жениться?

— Ха-ха! Слухи распространяются так же быстро, как кончаются деньги! Уже знаете?

— Мой помощник рассказал мне об этом вчера за обедом. Не считает ли господин Фэн, что это не очень хорошо? Я узнаю о свадьбе моего дорогого друга так поздно! Мне даже самому стыдно, хотя, на мой взгляд, я в этом совершенно не виноват.

— Гон Пин, как ты мог подумать, что я скрываю от тебя новость о своём предстоящем счастье! Ни в коем случае! Да если я когда-либо помышлял скрыть от тебя это, то... то... моя фамилия не Фэн! Просто я ждал нашей с тобою встречи. Мне хотелось лично сообщить тебе. Я глупо надеялся, что никто тебе не расскажет, чтобы я мог сам поведать тебе эту новость. Однако твой прохвост-помощник в который раз опередил меня.

— А-Сянь всегда тебя опережает! Он всех опережает! Ни одна душа в провинции ещё не знала, А-Сянь уже знал.

— Меня начинает пугать твой помощник.

— Я бы тоже боялся, если бы не знал, что он каждое утро караулит птиц у почты и самих почтальонов.

— Ха-ха-ха! Говорю же — прохвост! Но научился он этому у тебя.

— На что ты намекаешь?! Я просто выполняю свою работу! Все улики в письмах, все самые горячие подробности дела я узнаю из писем преступников своим родственникам или друзьям. И когда требуется информация, я не считаю, что должен соблюдать неприкосновенность в отношении тех, кого подозреваю в преступлении.

— Ладно-ладно, не мне учить тебя, как вести расследование. Но... я всё же хотел бы поговорить с тобой об одном деле...

Господин Фэн стал предельно серьёзным и поставил недопитый чай на столик с тихим стуком. Он откинул своё грузное тело на яркие подушки, расшитые золотыми узорами, с усталым вздохом и поднял взгляд на сидящего перед ним мужчину. Гон Пин, поняв, что разговор предстоит действительно серьёзный, так же отставил свой чай и выпрямился, следуя старой военной привычке.

— Мне кажется, я знаю, о чём пойдёт речь, — тихо сказал гость и кивком головы дал понять, что готов слушать.

Господин Фэн медленно почесал толстую морщинистую шею и начал свой рассказ.

— Как ты знаешь я человек состоятельный, знатный. У меня множество наложниц. Мне принадлежат земля такой площадью, что многим и не снилось. Однако цветок, который я собираюсь взять в жёны, далеко не из простых особ. Эта прекрасная девушка была замужем уже трижды. И все мужья были мне ровней. В богатстве и знатности у них недостатка не было. Однако каждый раз, после каждой свадьбы, спустя разное количество времени они все умирали. Причём умирали не своей смертью. Несчастливая госпожа Шень едва успевала оправиться от одного потрясения, как тут же наступало новое. Как практически состоявшийся муж я обязан заботиться о благополучии своей драгоценной практически состоявшейся жены. Да и, честно говоря, о своём благополучии мне тоже хочется

позаботиться. По меньшей мере пять чиновников пытались расследовать эти убийства, но все они без исключений провалились. Улик нет. Свидетелей нет. Подозреваемых нет. Ничего нет. Но ты, друг мой, в своём деле не имеешь конкуренции. Все дела, начиная с тех, что ты раскрыл в свою бытность воином, и, заканчивая теми, что поручил тебе сам император, ты сумел раскрыть в сжатые сроки! Гон Пин, ты моя последняя надежда. Я прошу тебя расследовать эти убийства и не допустить моего, конечно же, хе-хе. Ты ведь не откажешь старому другу? Потому что твой старый друг верит, что ты не бросишь его на произвол судьбы и не дашь сгинуть от рук какого-то безликого душегубца. Что скажешь, Гон Пин?

Императорский слуга внимательно выслушал монолог чиновника. Мужчина воспользовался тем, что рассказчик переводил дыхание, и допил остывший чай. Он имел привычку не оставлять что-то не завершённым, даже если это относилось к недопитому чаю. Отставив чашу подальше от края стола, Гон Пин поднялся и принялся расхаживать по комнате.

— Я узнал о твоей проблеме ещё до приезда в ***. До меня доходили слухи о странных убийствах. Я собирался навестить в эти края, но служба не баловала меня временем, чтобы заняться этим делом. Когда А-Сянь рассказал мне, что ты собираешься жениться на госпоже Шень, я сразу понял, что ты, скорее всего, обратишься ко мне. Перед тем, как я отправился навестить тебя, я дал А-Сяню задание собрать материал об этом деле.

— И перед кем я распинаясь?!

— Перед собой, разумеется. Разве я не твой старый друг? Разве не знаю, как ты болтлив? Если бы я сказал, что уже всё знаю, ты бы смотрел на меня с обидой ребёнка, которому не дали рассказать про бабочку, которую он поймал в поле.

— Но ведь...!

— И в итоге ты всё равно бы мне это рассказал!

Господин Фэн негодуяще и раздражающе захлопал чаем, впрочем, не слишком гневаясь, так как осознавал чистейшую справедливость слов Гон Пина.

— Через четыре дня свадьба. А-Сянь прямо сейчас безжалостно выносит половину архива. А я хотел бы встретиться с госпожой Шень в ближайшие дни, желательно до свадьбы.

— Почему до свадьбы? И зачем тебе с ней встречаться? Она ничего не видела.

— Во-первых, после свадьбы у вас не будет времени, и «ближайшие дни» превратятся в «далёкие и недостижимые». Во-вторых, возможно, она замечала что-то, чему не придавала значения, но что могло оказаться ниточкой, ведущей к убийце. В таких вопросах важна каждая мелочь.

— М-м-м, хорошо! Я постараюсь устроить вам встречу. Только ты...

— Что?

Господин Фэн хмуро замычал и завертелся на вдруг ставшем неудобным кресле.

— Я бы хотел попросить тебя не... Кхм! Не смотреть на мою будущую жену слишком долго!

— С чего бы мне смот...? А-а... Ого! Ещё не женился, а уже ведёшь себя как её собственник. Но я понимаю твои чувства. О неземной красоте госпожи Шень легенды ходят даже в имперском городе. А-Сянь, ох, и сплетник, рассказывал мне, что сам император когда-то собирался взять её в наложницы, но Её Величество столь ревнива и властна, что Его Величеству ничего не оставалось, кроме как отказаться от мечты о красавице Шень Сяо Ми.

— Я почти наравне с императором!

Гон Пин бросил грозный взгляд на друга.

— Ну, в том смысле, что... Ты меня понял. На самом деле Его Величество недостижим как луна и звёзды в небе.

Гон Пин снова принял добродушный вид и снисходительно покачал головой.

— И всё-таки ты везунчик. Но твоё везение мы проверим, когда раскроем дело.

Господин Фэн вопросительно посмотрел на государственного служащего, на что тот состроил хитрое лицо.

— Посмотрим, умрёшь ты до того, как я найду убийцу, или после!

— Гон Пин! — чиновник подскочил со своего места, перевернул стол со всей прилегающей к нему нефритовой посудой высшего качества и, держась за пострадавшее колено, со злым лицом прокричал. — В гробу я видал тебя и твои отвратительные шуточки!

Императорский слуга увернулся от летящей в него расшитой золотом подушки уже на выходе из комнаты.

— До встречи, друг мой! Делай, что хочешь, но устрой мне встречу с госпожой Шень!

На веранде дома почившего господина Луана — третьего мужа госпожи Шень Сяо Ми — расположились двое. Гон Пин сидел за столом в предвкушении. А вот господин Фэн нервничал.

В проходе появилась служанка и вежливо поклонилась.

— Госпожа Шень рада встречать господина Фэна и господина Гона в доме семьи Луан. Госпожа извиняется за задержку. Она должна привести себя в порядок. Прошу, подождите немного, — служанка помахала рукой в сторону, и к мужчинам подошла ещё одна служанка — молодая, с подносом в руках. — Не желают ли уважаемые господа чаю?

— Да, налейте нам! — приказал господин Фэн.

Молодая служанка с опущенной головой подошла к столу, расставила приборы для чаепития.

Гон Пин заинтересованно разглядывал нефритовую посуду, явно принадлежавшую ещё прошлой династии.

— Какой изысканный чайник, — повертев его, бывший военный добавил, — я восхищён.

— Сервиз из коллекции господина Луана и впрямь неплохой, — скучаяще прокомментировал это господин Фэн, попивая чай.

— Неплохой?! Это настоящее искусство! — восторгался Гон Пин, который так и не притронулся к своему чаю. — У господина Луана был прекрасный вкус.

Старшая служанка вежливо вмешалась.

— Этот сервиз — наследие отца госпожи Шень.

— О-о.

— Здравствуйте, господа...

Все люди на веранде как по команде обернулись. Господин Фэн поперхнулся чаем и поставил его на стол во избежание неизбежного позора. Гон Пин встал из-за стола и поклонился. Его положение не обязывало его кланяться. Наоборот, оно давало ему возможность принимать поклоны. Однако сейчас не поклониться он не мог. Служанки почтительно опустили головы, не смея поднять глаза на хозяйку.

Шень Сяо Ми вышла к гостям в лёгком весеннем платье, мягко шелестящем, словно

листья бамбука на ветру. Гон Пин был сражён на повал. Такую длинную шею он не видел никогда. Кожа госпожи Шень была бела как первый снег и будто светилась изнутри. Глаза были большими, с тяжёлыми верхними веками, которые во внутренних уголках ложились изящнейшей линией, отчего взгляд тёмно-карих, почти чёрных глаз становился ещё более томным и загадочным. Ровные тёмные брови были высоко над глазами, а ещё выше был широкий белый лоб, оттеняемый несколькими ниспадающими локонами. Нос госпожи Шень вызывал в Гон Пине особенную зависть. У мужчины он был горбатым и кривым как после многочисленных переломов. У Сяо Ми переносица лишь книзу образовывала едва заметную дугу, которую Гон Пин про себя охарактеризовал как со всех сторон очаровательнейшую. Далее носик плавно спускался вниз, закругляясь. Над верхней губой прорисовывалась маленькая милая ямочка. Сама верхняя губа — припухлая и заманчивая — была обведена красной помадой, а нижняя губа, которая была немного больше верхней, особенно привлекала внимание, вернее то, что было под ней слева — маленькая чёрная родинка, придающая аристократизм, таинственность и даже некую кокетливость образу девушки.

— Рад встрече, Госпожа Шень, — вымолвил Гон Пин, не смея даже моргать.

Господин Фэн подошёл к другу и положил тому руку на плечо. Имперский слуга думал, что сейчас чиновник скажет: «Не переживай. Привыкнешь». Но мужчина, поймав взгляд Гон Пина, отрицательно покачал головой.

— Не привыкнешь. Я сам до сих пор не привык, — господин Фэн с улыбкой обратился к Шень Сяо Ми. — Здравствуйте, госпожа Шень. Ничто не сравнимо с вашей красотой.

Девушка смущённо опустила глаза.

— Господин Фэн, прошу Вас, оставим комплименты. Господа, пожалуйста, не считите меня грубой. Но я занята подготовкой к предстоящему событию. У меня не так много времени. Господин Фэн в письме был весьма настойчив в желании встретиться. Полагаю, вы пришли по делу?

Гон Пин подобрался и, приятно удивлённый такой деловитостью девушки, улыбнулся.

— Вы правы, госпожа Шень. Мы здесь по очень важному делу.

Хозяйка дома указала рукой на стол. Двое мужчин и женщина опустились на свои места. Молодая служанка налила чай Гон Пину, в то время, как госпожа Шень с лёгкой улыбкой на алых губах налила чай будущему мужу.

— Благодарю, госпожа Шень! Должен сказать, — заявил господин Фэн со знанием в голосе, — у вашего отца был прекрасный вкус. Этот чайник чрезвычайно изящен. Настоящее искусство. Я восхищён!

Гон Пин так и замер с чашкой чая у рта. Бывший военный посмотрел на друга как на наглого вора чужих слов, что, в общем-то, было не далеко от правды, но чиновник глядел только на будущую жену и не замечал ничего вокруг.

На словах об отце уголок губ госпожи Шень немного опустился, Гон Пину показалось, словно родинка под губой девушки недовольно дёрнулась.

— Спасибо, господин Фэн. Будь отец жив, он был бы рад услышать ваши слова.

— Госпожа Шень, — обратился Гон Пин к девушке, — как мой друг уже поведал Вам в письме, я старый вояка и нынешний государственный служащий. Моя работа в основном состоит в раскрытии преступлений. И другие чиновники, и даже сам Император не раз обращались ко мне, когда дело заходило в тупик. На моём счету множество пойманных преступников. Но, оставляя моё хвастовство позади, хочу пояснить, почему же именно

господин Фэн просил о нашей с Вами встрече. Дело в том, что мой друг, как и любой другой человек, у которого всё хорошо и прекрасно, желает прожить так, как можно дольше. Господин Фэн, опустите руку, сейчас я говорю. Поэтому он обратился ко мне за помощью. Моля меня на коленях в слезах. Господин Фэн, мы внимательно выслушаем Вас позже. И я намерен раскрыть это дело! Но для этого мне нужна ваша помощь, госпожа Шень.

— Просите о чём хотите, господин Гон Пин. Я буду рада помочь. Хотя, честно говоря, я не представляю, чем могу способствовать раскрытию преступления. Ведь когда... когда моих... мужей... убивали... Ох, простите, — Сяо Ми подняла рукав и промокнула слёзы, — я правда ничего не знаю. Когда я приходила к ним, они... они уже были...!

— Гон Пин, видишь, до чего ты довёл госпожу Шень! Постыдись! Госпожа Шень, госпожа Шень, вот, выпейте, выпейте.

Господин Фэн передал чай девушке и укоризненно посмотрел на друга. Гон Пин, немного смутившись, всё же не отступился. Он ждал, пока всхлипы не улягутся и Сяо Ми не придёт в себя. Наконец, девушка с немного покрасневшим лицом отвела рукав и выдохнула.

— Госпожа Шень, понимаю, Вам тяжело. Давайте не будем затрагивать тему конкретно, м-м, ну, вы понимаете. Давайте поговорим о том, какие странности вы заметили в дни происшествий или в ближайšie от этих дней дни.

— Странности?

— Да. Что-то, что показалось Вам из ряда вон выходящим. Возможно, это даже не выглядит, как нечто связанное с уб... кхм, преступлением, но это было действительно странно.

Гон Пин посмотрел на девушку. Её лицо было задумчивым. Губа прикушена. Похоже, она пыталась что-то вспомнить, но ей не удавалось.

— Мне очень жаль, господин Гон Пин. Я ничего не припоминаю. Это было слишком давно, чтобы я могла вспомнить так детально те дни. Мне кажется, было что-то, что показалось мне странным, но я не понимаю, что именно. Не могли бы Вы дать мне время, хотя бы несколько дней, я постараюсь мысленно вернуться в то время. Может быть, я вспомню какую-то странную деталь.

Гон Пин поднялся со своего места.

— Конечно, госпожа Шень. Подумайте и постарайтесь вспомнить.

— Благодарю Вас за понимание, господин Гон Пин.

Старшая и молодая служанки начали убирать стол. Господин Фэн не двигался с места. Старшая служанка вежливо, но выразительно посмотрела на мужчину.

— Уважаемый господин, госпожа очень занята. Ей нужно готовиться к свадьбе, — шёпотом обратилась женщина к чиновнику.

Господин Фэн недовольно скривился и тоже поднялся из-за стола.

— До встречи, госпожа Шень.

— До встречи, господин Фэн, господин Гон Пин.

Мужчины дружно поклонились хозяйке, которая ответила им тем же.

Гон Пин обернулся напоследок, но увидел лишь взмах шелковистых чёрных волос и ровный белый профиль длинного лица с высокими скулами.

Когда друзья отошли на значительно расстояние, господин Фэн не выдержал и начал возмущаться.

— Нет, ты видел? Ты видел это? Да меня просто выгнали из этого дома! И кто? Служанка! Какая-то служанка! Никакого уважения!

— Не переживай, друг, — улыбнулся хитро Гон Пин. — Я бы тебя тоже выгнал. Ты очень раздражающий.

Господин Фэн так и замер с распахнутым ртом, не то задыхаясь, не то страдая переизбытком кислорода.

— Гон Пин!!!

— У госпожи Шень нет на тебя времени. Её служанка это понимает и заботится о ней. Вот у тебя есть слуги, которые так же заботятся о тебе?

Господин Фэн промолчал.

— Вот именно.

Спустя несколько минут, чиновник всё же подал голос.

— Ладно, забудем. Чем планируешь заниматься сейчас?

— Сейчас, — Гон Пин призадумался, — сейчас я планирую насладиться послевкусием прекрасного чая из дома Шень. А потом я начну перечитывать весь тот материал, который А-Сянь уже должен был перенести в мою комнату.

— Ты только не медли, друг мой. Я на тебя рассчитываю.

— Лучше готовься к свадьбе, — Гон Пин вдруг вспомнил кое-что и с возмущением ткнул пальцем в грудь чиновника, — кстати! Где моё приглашение?!

Господин Фэн нервно засмеялся.

— Ох, я совсем забыл. Просто назовёшь своё имя. Я предупрежу, чтобы тебя пропустили.

— Агх! Называешь меня другом, а сам не можешь даже нормально пригласить на свадьбу! Глаза б мои тебя не видели!

— Ну, тогда я, пожалуй, пойду, хе-хе.

Мужчины распрощались и разошлись каждый по своим делам.

Наступил день свадьбы. Торжество проходило в храме. Гон Пина всё-таки пустили. Несмотря на то, что он опоздал. Однако ему удалось застать три поклона. Простояв добрые полтора часа в храме, гости и молодожёны отправились в дом жениха, где проходил пышный пир.

По скромным подсчётам Гон Пина, господин Фэн созвал на праздник не меньше половины города. По нескромным подсчётам А-Сяня, господин Фэн не ограничился всем городом, а созвал жителей из и соседних поселений и некоторых друзей из столицы.

На пиршестве присутствовали знатные чиновники. Самой яркой фигурой был господин Цян Дао. Мужчина был тем самым человеком, которому завидуешь и которого ненавидишь. Цян Дао был одним из немногих, кто мог сравниться в богатстве с господином Фэном. Хотя господину Фэну достаток передался по наследству, а вот Цян Дао нажил его при жизни. И пусть говорили о нём, как о благородном человеке, каждая, даже самая несмышлёная собака знала, как именно Цян Дао нажил своё несметное богатство. Пока все чиновники потихонечку-помаленечку складывали в карман, Цян Дао поступал более хитро.

Едва господин Цян Дао знакомился с каким-нибудь человеком, тут же напрашивался в гости. «Оценить фэн шуй», — как называл это сам Цян Дао. После проверки фэн шуя обычно из дома хозяина пропадало что-то весьма ценное. О пропаже, разумеется, заявляли и обещали большую награду, в особенности, если пропажей была какая-нибудь семейная реликвия. И всегда, всегда случалось невообразимое чудо! Благородный господин Цян Дао случайно натёкался на сосуд династии Чжоу или вазу династии Хань на тропинке к своему пруду или замечал их в кустах у дороги, упуская из виду, что у него не было пруда и что пешком по улицам он не ходил. За свою удачную находку он, разумеется, получал вознаграждение. Причём, пока его просили принять деньги, он долго отнекивался. Но, в конце концов, исключительно, чтобы «не обидеть счастливого владельца», он соглашался «принять дань благодарности». Просить его принять эту дань было обязательно.

Простой люд про себя его окрестил «борцом за фэн шуй», господа — «удачливой собакой». Ограбленные называли его просто — грабителем.

Многие не понимали, почему, когда в государстве отчаянно борются с коррупцией, император не замечает проделок обнаглевшего чиновника. Но «удачливая собака» однажды не постеснялась «случайно наткнуться и благородно вернуть императору его потерянный гребень», чем заслужила доверие и признание от ограбленного государя.

Помимо «борца за фэн шуй» на празднестве присутствовали и другие знатные чиновники. Господин Вэй, или «просторные рукава», — смотритель государственной казны прямиком из столицы — являлся ближайшим другом и соратником господина Цян Дао. Их считали братьями по духу и по предназначению. Когда господин Вэй заходил в хранилище госбюджета, подсчитанные налоги тоже становились почему-то меньше, а рукава одежд казначея необъяснимым образом растягивались.

Был также господин Гу, который не имел большой популярности у народа, так как был невероятно скучным, потому что грешил он только азартными играми, и то оскорбительно редко.

Отдельной группой на свадьбе стояли наложницы господина Фэна. Самая старшая из них — госпожа Чень — с завистью и надменностью смотрела на новоиспечённую жену их

господина. Она была не так молода, чтобы соперничать с некоторыми наложницами и уж тем более с красавицей Сяо Ми, но весьма опытна, из-за чего всегда пользовалась большой благосклонностью и вниманием чиновника. Шень, или же теперь официально Фэн, представляла угрозу для её свободы и власти. Другие наложницы во многом разделяли чувства их предводительницы. Они надеялись, что у них получится дать понять как можно раньше «потаскухе», кто тут главный и кого должен в первую очередь слушать господин. «Потаскуха» было одним из самых безобидных прозвищ, которое в течение долгих дней придумывали наложницы чиновника для Сяо Ми. А как ещё можно было назвать женщину, которая выходит замуж четвёртый раз подряд? Но во время церемонии по приказу господина Фэна им было запрещено приближаться к невесте, так как мужчина был наслышан о конкуренции внутри гаремов и опасался, что другие женщины из зависти могут попытаться навредить жене.

За общим столом господин Цян Дао поднялся.

— Господа, позвольте мне высказаться, — послышались одобрительные возгласы, — благодарю, господа. Во-первых, я рад видеть, что так много гостей прибыло поздравить моего дорогого друга — господина Фэна — и стать свидетелем его счастья! Я также рад присутствовать на этой прекрасной свадьбе двух прекрасных людей. Я верю, что жизнь молодожёнов будет складываться благополучно и удачно. Благородный богатый муж и красавица жена. Разве может быть в поднебесной пара замечательнее, чем господин и госпожа Фэн? Конечно же, нет! А теперь позвольте мне официально принести поздравления жениху и невесте. Господин Фэн, на Вас легла большая ответственность, такой чудесный цветок, как ваша супруга, нужно тщательно оберегать, одаривать бесконечным вниманием и дорогими подарками. Думаю, Вы и сами это понимаете. Но я всё-таки хочу Вам ещё раз напомнить, дабы цветок и дальше радовал всех и, в первую очередь, разумеется, Вас лично своей божественной красотой, своим ароматом, своим, хе-хе, телом и прочим. А Вам, госпожа, я вверяю заботу о моём добром друге. Прошу Вас, радуйте его, не позволяйте ему унывать. Небеса и Земля — свидетели: как счастлив я за вас двоих. Живите дружно! А на ближайшее будущее могу пожелать Вам только... — господин Цян Дао неприлично засмеялся, — побольше страсти в постели! Ха-ха-ха!

Гости дружно подхватили смех Цян Дао и выпили вина за здоровье супругов. Сяо Ми смущённо опустила голову и тоже выпила, прикрывшись длинным рукавом. Господин Фэн долго и громко смеялся. Праздник ему нравился, но какой-то частью тела он рвался отсюда. Ему хотелось поскорее уединиться с женой, дабы открыть для себя ещё больше красоты Сяо Ми, которая прежде была недоступна для него.

Когда праздник уже начал переходить в более тихую и спокойную попойку, к Сяо Ми подошёл Гон Пин.

— Поздравляю, госпожа Шень, — начал бывший военный, — ох, простите, не привык ещё, — неловко посмеялся он.

Сяо Ми снисходительно улыбнулась.

— Ничего, господин Гон Пин. Я тоже пока не привыкла, — она огляделась вокруг, — мы с вами одни из немногих, кто ещё способен к мыслительной деятельности.

— Госпожа, даже до первой чарки в этом зале мы были одними из немногих, кто был способен к мыслительной деятельности.

Мужчина и женщина одновременно рассмеялись.

— Госпожа, простите, что отвлекаю Вас от веселья, но я всё-таки хотел бы спросить

Вас.

— Я догадываюсь, о чём Вы хотели бы спросить меня.

— Так...?

— Я долго размышляла, что же необычного происходило в дни... смерти моих бывших мужей. Сначала мне ничего не приходило в голову, потому что я постоянно сбивалась. Я была сосредоточена именно на том, что происходило в примерные часы их смерти. Но потом я вспомнила одну деталь. Я кое-что заметила за несколько дней до смерти одного из своих мужей.

— И что же Вы заметили?

— Я видела тень.

— Тень?

— Да, тень. Это была тень мужчины. Сначала я подумала, что мне показалось. Когда я вспомнила об этом, то подумала, что, возможно, это привиделось мне, потому что тогда я пребывала в шоке, и я не уверена, что моё сознание могло правильно воспринимать действительность. Однако, помня ваши слова, я решила поговорить со слугами, не замечали ли они чего-нибудь странного. Моя старшая служанка — Чу-Чу — сказала, что тоже видела тень. Я замечала её перед тем, как погиб мой второй муж. А Чу-Чу видела эту тень, когда умер мой третий муж. Я пыталась вспомнить, видела ли я подобную фигуру прежде, но это, вероятно, был незнакомый мне человек.

— Какие очертания были у этой тени?

— Она была не слишком чёткой. Могу только сказать, что по телосложению это был мужчина, весьма высокий и худой. В лёгкой одежде.

— Почему Вы решили, что он был в лёгкой одежде?

— Я этого чётко не разглядела, но Чу-Чу сказала, что ей запомнилось, как одежда прилегала к телу. словно она была очень тонкой.

— Понятно. Могу я поговорить с вашей служанкой?

— Конечно. Она поможет мне этой ночью. Поэтому я пришлю Вам её завтра.

— Хорошо, госпожа... Фэн. Я рад, что Вы вспомнили про тень. Это может быть нашей нитью к преступнику. А теперь мне нужно поговорить с вашим мужем.

Сяо Ми обернулась к столу, за которым господин Фэн распивал вино. Шатаясь на стуле из стороны в сторону, он сдвигал своим грузным телом мимо проходящих людей, отчего те также под действием инерции сдвигали рядом стоящих. За непреодолимую инерцию выступало пьянящее вино, а за силу притяжения Земли — ослабленные вином ноги гостей.

— Это будет затруднительно, господин Гон Пин.

— С моим другом никогда не бывает легко. Во всех смыслах, — в привычной манере пошутил мужчина.

Собеседники вновь дружно рассмеялись. Сяо Ми выглядела немного смущённой тем, что она смеялась над лишним весом своего мужа, но для Гон Пина это, похоже, было нормально, и сам мужчина вызывал доверие. Лицо Сяо Ми стало добродушным и расслабленным.

Друзья направились к захмелевшему жениху. Не прошло и пяти минут с тех пор, как Сяо Ми и Гон Пин предприняли первую попытку обратить на себя внимание чиновника, как господин Фэн заметил их.

— О-о! Дружище! Красавица моя! — подвыпивший мужчина притянул женщину за талию и крепко прижал к своему телу. Держался он не слишком долго, и рука его почти

сразу сползла ниже.

— Старина Фэн, имей стыд.

Сяо Ми смущённо оглядывалась по сторонам.

— Стыд в наших кругах не в чести! Да и в конце концов жена она мне или не жена?!

— Муж мой, прошу Вас, потерпите ещё немного. Скоро мы и так останемся одни.

Чиновник обидчиво, но послушно вернул руку на талию, не без удовольствия отмечая, как хорошо руке его было лежать «там».

— Я поговорил с госпожой. В целях безопасности, чтобы у преступника не было возможности напасть на тебя, пока я не найду его, я приставлю к тебе своих людей. Они будут следить за тобой, дабы отразить атаку нападающего в случае покушения на твою жизнь.

— Ты считаешь, что мои люди не справятся с этой задачей?

— Мои люди знают, на что нужно обращать внимание и о чём нужно докладывать мне. Не упрямясь. Это для твоей же безопасности и для продвижения дела. Если ты не против, а если и против, то ничего, потерпишь, — Гон Пин подозвал к себе двух молодых людей в форме, — мои помощники приглядят за тобой. Помощник Бай, — высокий парень с сосредоточенным выражением лица кивнул, — помощник У, — парень пониже с более приветливым лицом повторил жест первого. Гон Пин потёр руки и сказал, — в общем, развлекайтесь. Но не слишком, а то спасать тебя смысла не будет, — посмеялся мужчина. — Госпожа, до встречи.

— До встречи, господин Гон Пин.

Императорский служащий покинул торжество и отправился к себе. Минул уже час крысы, а мужчине предстоял ранний подъём.

Все те немногочисленные предсвадебные дни, которыми располагал Гон Пин, мужчина потратил с пользой, относительной, если говорить начистоту. А-Сянь и впрямь ограбил архив города, вытащив под шокированные взгляды работников всё, что прямо, косвенно или каким-либо другим образом могло иметь отношение к делу. Первый помощник и начальник потратили долгие часы на перечитывание материалов, собранных предыдущими следопытами. Хотя все они неуклонно и неизбежно заходили в никуда, всё же несколько интересных моментов имело место быть.

На завтрашний день А-Сянь уже должен был подготовить лопаты и носовые платки, пропитанные ароматной водой.

Гон Пин надеялся, что его друг не скончается в эту ночь.

— Сяо Ми, моя Сяо Ми, — мычал господин Фэн, вяло моргая глазами.

Часть гостей уже разошлась по домам, часть продолжала упиваться вином. Девушка пыталась оторвать от себя руки мужа, боясь, что кто-то заметит чрезмерно развязное поведение хозяина дома.

— Мой господин, пойдёмте в вашу комнату. Я думаю, Вам на сегодня достаточно.

Собрав все свои силы, она потянула на себя пухлую руку господина Фэна. Мужчина, тяжело дыша, встал. Грузное тело так сильно шатало, что Сяо Ми боялась, как бы эта туша не свалилась на хрупкую девушку и не придавила её. Женщина вряд ли бы смогла выбраться из-под этой груды.

— Господин Фэн, прошу Вас, продержитесь ещё немного. До комнаты осталось совсем чуть-чуть.

Коридор показался супругам невыносимо длинным. К концу его господин Фэн едва дышал, а у Сяо Ми жутко болела спина и шея. Увидев перед собой комнату мужа, девушка счастливо выдохнула и вопреки правилам приличия, надеясь, что никто, включая её саму, об этом завтра не вспомнит, пнула дверь ногой. Сяо Ми втащила господина Фэна внутрь. Мужчина, решив помочь жене, освободился от её рук и сделал шаг к кровати, намереваясь взгромоздиться на неё, никак иначе это и назвать нельзя было. Но ноги подвели своего хозяина и подогнулись прямо у края кровати, отчего господин Фэн быстро и стремительно осел на пол.

— Жена моя-я-я, иди ко мне-е-е... — пропел чиновник, полагая, что он уже на своём ложе.

Сяо Ми обречённо простонала и направилась к выходу.

— Я слышу твоё желание-е-е, — промычал мужчина, расценив стон девушки так, как он его расценил.

Сяо Ми выглянула из-за косяка, оглядела коридор на предмет посторонних и вышла.

— Э-э-эй!

Господин Фэн остался на полу в глубоком одиночестве. Как же грустно ему стало в этот момент! Едва он женился, а его уже бросили! Обида и негодование отразились на сонном лице юного мужа.

— Жена-а-а! Жена-а-а! Сяо Ми-и-и! Иди сюда-а-а! Мне одиноко-о-о! — кричал господин Фэн.

На некоторое время он затих. Спустя несколько минут он продолжил в той же манере.

— Мне одино-о-око и хо-о-олодно-о-о! И неудобно-о-о!

Мужчина снова затих, и по комнате начали разноситься всхлипы.

— Сяо Ми-и-и!

В проходе показались две фигуры: Сяо Ми и старшая служанка, за которой ходила девушка.

— Сяо Ми, ты вернулась! И не одна! — радостно воскликнул чиновник. — И не одна? — удивлённо спросил он.

— Видишь, я не смогу его поднять. Помоги мне. Главное, переложить его на кровать, а дальше я сама справлюсь.

— Хорошо.

— Ты заходи слева, а я справа.

Женщины с двух сторон подхватили господина Фэна под руки и общими усилиями переложили на кровать. Правда, чиновник оказался поперёк ложа. Сяо Ми отпустила служанку.

— Точно не нужна помощь?

— Я справлюсь.

— Что-нибудь ещё нужно?

— Если что-то потребуется, я тебя позову.

— Поняла.

Служанка ушла, затворив за собой дверь. Сяо Ми закатала рукава и переместила господина Фэна так, чтобы тот находился в правильном положении по отношению к изголовью кровати. Мужчина уже находился в полузабытьи, однако предстояло ещё раздеть его.

Девушка переворачивала чиновника с бока на бок и стаскивала с него верхние одежды. Наконец, покончив с этим нелёгким делом, она, тяжела дыша, вытерла потный лоб, после чего накрыла мужа пледом, поправила своё платье и вышла из комнаты.

Господин Фэн благополучно дремал. Гости по-прежнему веселились. Но всё это было уже далеко, позади. Сяо Ми направлялась в выделенную ей в этом доме комнату, где она собиралась остаться в одиночестве и в тишине, которые так любила и которых ей в её жизни так не хватало.

Она вошла в свои покои и закрыла дверь на замок, плотно прикрыла окно. Сяо Ми разделась, расплела волосы и смыла макияж. Всё её тело болело от усталости. Глаза воспалились, и она в привычной манере положила на веки кусочек ткани, пропитанный целебным отваром. Девушка легла под одеяло, накрывшись им почти полностью, и ещё не меньше часа прислушивалась к шагам и голосам пьяных людей, раздававшихся из коридора.

Вскоре она заснула. За дверью чуткий сон её караулила верная служанка Чу-Чу.

Господин Фэн проснулся во второй половине дня с большой головой и почему-то ноющим задом.

— Эй, кто-нибудь! Живо сюда! — прокряхтел хозяин дома.

Он едва мог шевелить губами, а всё потому что от чрезмерного количества алкоголя у него была дичайшая жажда.

Хотя слова чиновник произнёс так, что, казалось бы, как их вообще можно было услышать, слуги в этом доме были натренированными под особенности своего хозяина, и уже через несколько секунд в комнату вошёл парень с травяным чаем для утоления жажды и избавления от головной боли.

— Чего ты там мнёшься?! Смерти моей ждёшь? Иди сюда быстрее!

— Что Вы, господин, разве я могу, — парень подбежал к чиновнику и помог тому приподняться.

Господин Фэн поднял над собой чайник, не удосужившись даже для начала перелить его в чашку, и принялся пить прямо из носика. Со всех его подбородков стекала ароматная вода и впитывалась в дорогой костюм. Слуга с печалью на сердце смотрел, как медленно намокают нижние одежды господина и как расплзается желтоватое пятно. Он знал, что никто и никогда уже не сможет отстирать его и что костюм, надетый всего раз, больше не пригоден для ношения. По крайней мере, господином.

Чиновник, вылив в себя почти весь чай, неаккуратно поставил чайник на поднос и откинулся на постель. Слуга старательно вытер ему нижнюю половину лица и подбородки. Господин устало, но довольно дышал. Неожиданно он вспомнил кое-что.

— А где госпожа Фэн?

— Госпожа Фэн занимается расстановкой мебели и вещей в своих покоях.

— Сколько сейчас времени?

— Минут час козы.

— А госпожа Фэн давно проснулась?

— Поднялась с рассветом.

Господин Фэн покачал головой. Насколько он помнил, а помнил он не то чтобы много, но и не мало, между ним и его женой вчера так ничего и... не произошло. Мужчина и сам понимал, что в том состоянии, в котором он пребывал после празднества, он едва ли был способен хоть на что-то. Начавший просыпаться мозг щедро подбросил хозяину воспоминания о том, как хрупкая жена тащила его на себе до кровати и помогала ему раздеться.

— Господин, Вам плохо? — спросил слуга, обеспокоенный чрезмерной краснотой хозяина.

— Не так, как будет, когда я встречу лицом к лицу с госпожой Фэн. Ладно, помоги мне одеться.

Господин Фэн при параде направлялся в покои жены. Едва он сделал два шага по коридору, как заметил, что за ним по пятам следуют два юноши, отдалённо знакомых ему. В своём доме он их прежде не видел, по крайней мере, слугами они не являлись. Решив, что, наверное, это какие-нибудь торгаши, которые пришли заключить с ним сделку, чиновник бросил за спину:

— Сегодня я никого не принимаю.

Молодые люди удивлённо переглянулись, но продолжили следовать за мужчиной. Господин Фэн обернулся и крикнул более раздражённо.

— Вы что там от базарного шума оглохли все?! Я сказал, я ничего у вас покупать не буду!

— Господин Фэн, Вы нас не помните?

Господин Фэн остановился и обернулся. Хотя место, конечно, он для этого выбрал не слишком подходящее или же не слишком широкое. Чиновник застрял в проходе, но не смутился, а повертелся немного и всё-таки сумел произвести поворот на сто восемьдесят. Юноши тоже остановились и теперь заинтересованно глядели на господина Фэна.

Что-то в голове чиновника говорило, что эти двое юношей ему знакомы, однако...

— Нет, не помню.

— Помощник Бай, — представился высокий спокойный юноша.

— Помощник У, — повторил действия друга тот, что пониже.

Мужчина сузил глаза и внимательно всмотрелся в лица парней. В голове всплыла пакостническая ухмылка Гон Пина.

— Вы-ы... Охранники?

— Да! — ответил беспокойный парниша, а затем тихо обратился к товарищу. — Старина Бай, а ведь мы, получается, ему не помощники. Разве мы не введём его в заблуждение таким образом? Надо представиться правильно.

— Просим прощения, господин Фэн, за то, что неверно представились. Телохранитель Бай!

— Телохранитель У!

— Господин Фэн! — вспомнил с ностальгией военную службу чиновник.

— Нам приказано следовать за Вами... — начал телохранитель Бай.

— По пятам, как Вы могли заметить... — с улыбкой продолжил телохранитель У.

— В целях вашей безопасности...

— И безопасности госпожи Фэн, ведь она тоже находится в потенциальной опасности.

— Мы должны докладывать обо всём, что происходило с Вами, с госпожой Фэн...

— С нами и остальными людьми, окружающими Вас, в конце каждого дня. А ещё господин Гон Пин передавал Вам...

— Дословно...

— «Хэй, друг! Тебе не стоит пить так много!»

От того, как эти двое обрывались на середине предложения и оставшуюся часть его перебрасывали партнёру как горячую сковородку, у господина Фэна вновь разболелась голова. А когда у господина Фэна болела голова всё, чего он хотел от окружающих, это просто...

— Просто молчите.

Юноши раскрыли рты, чтобы дружно ответить: «Так точно!» — но в последний миг опомнились и кивнули.

Господин Фэн прошёл спиной несколько шагов и только потом развернулся.

У комнаты госпожи Фэн его встретила та самая служанка, которая прогнала его из дома купца Луана и которая помогала перетаскивать его на кровать.

— Здравствуйте, господин Фэн. Вы пришли навестить госпожу?

— Да, позови её.

— Слушаюсь, господин.

Служанка вошла в комнату. Господин Фэн пригладил волосы. Те, что он имел. Лоб от переживаний вспотел. Внезапно перед его лицом появилась рука с ароматно пахнущим платком. Чиновник повернул голову в сторону. Телохранитель У смотрел на него с поддержкой в глазах. Мужчина взял платок и вытер им пот со лба. Аромат был и впрямь приятный, и чиновник решил, что стоило бы произвести впечатление на жену. Он обтёр куском ткани также потную шею, подбородки и нос, про себя думая, что надо бы не забыть вернуть платок владельцу. Телохранитель У, наблюдая за действиями господина Фэна, надеялся, что тот никогда и не подумает возвращать платок. Телохранитель Бай заметил ненормальное искривление физиономии друга и отвлек его своим разговором от нелюбезной картины.

— Добрый день, господин Фэн, господин Бай, господин У.

Теперь уже хозяйка дома семьи Фэн вышла из комнаты, приветствуя мужчин.

Мужчины поздоровались женщиной.

— Господин Фэн, как ваше самочувствие? — поинтересовалась Сяо Ми у мужа.

— Ах... Же-жена м-моя... — господин Фэн нервно улыбнулся и бросил взгляд на телохранителей, прося их временно убраться подальше. Молодые люди скрылись за ближайшим косяком и принялись внимательно подслушивать. — Я... Спасибо, что поинтересовались. Я чувствую себя хорошо. Я...

— Вы уверены, господин Фэн? — Сяо Ми подошла к мужу и обеспокоенно посмотрела

на него. — У Вас лоб мокрый. Вероятно, Вы ещё не отошли? Хотите чаю? Давайте выпьем думая, Вам полегчает.

— Ох, Вы так заботливы, — чиновник таял от заботы. — Я, конечно же, с радостью!

Женщина дала указания служанке, и та ушла в комнату, чтобы продолжить разбирать вещи. Супруги направились на завтрак.

— Я полагаю, Вы ещё не завтракали? — спросила Сяо Ми.

— Не-нет, — ответил господин Фэн. И, следуя привычке, тоже спросил. — А Вы завтракали? — и тут же мысленно ударил себя по лицу. «Действительно, встала с рассветом, а я её почти вечером спрашиваю, не завтракала ли она. Старина Фэн, бросай пить!»

— Нет. Не завтракала.

— «Удача!» — подумал господин Фэн.

— Вы, наверное, поняли это, потому что я выгляжу несколько вяло?

— Да, Вы немного бледны, — мысленно господин Фэн уже разбил себе лицо. — «Конечно, под белилами-то хорошо видно, бледная она или нет!»

— Прошу прощения, господин Фэн, что разочаровала Вас, представ перед Вами в таком виде. Не считайте меня плохой супругой, прошу Вас. С самого утра я разбирала вещи, времени на приём пищи совсем не нашлось.

— Ну, что Вы, жена моя, я всё понимаю. Однако прошу Вас быть более внимательной к своему здоровью, оно меня очень волнует.

Господин Фэн только закончил мысль, как Сяо Ми остановилась и немного согнулась. Рука её легла на поясницу, а красивое лицо чуть скривилось от боли.

— Что с Вами? Вам плохо?

— Нет-нет, всё в порядке. Просто спина немного побаливает, — отмахнулась госпожа Фэн, после чего быстро добавила, — это от того, что во время раскладывания вещей я поднимала тяжести, всего-то.

Девушка улыбнулась, как бы говоря: «Не принимайте на свой счёт». Господину Фэну мысленно уже и разбивать было нечего. Тело его от пят до макушки головы стало пылающим и красным как свадебные одежды его невесты, что тащила его на себе, пока сам он пребывал в состоянии больной редиски.

— Моя госпожа, — неловко начал чиновник, когда он и супруга сели за обеденный стол, — я бы хотел попросить прощения.

— За что? — удивилась Сяо Ми, наливая супругу чай.

— За то, что вчера я, — господин Фэн зажмурился и выдал всё, что его так волновало, единым потоком, — за то, что Вам — слабой, хрупкой женщине — пришлось тащить на себе мою тяжёлую как десять свиной тушу, за то, что Вам пришлось перетаскивать моё тело на кровать и даже, — мужчина тяжело вдохнул и выдохнул, не смея открыть глаза, — раздевать меня... За то, что мы с Вами провели ночь по отдельности, и за то, что я напился, хотя Гон Пин, чёрт бы его побрал, ой, извините, предупредил меня!

Сяо Ми так и застыла с чайником в руках, из-за чего чай перелился через края чашки и достиг одежд господина Фэна, в значительной степени согрев правую ногу чиновника. Мужчина подскочил на месте, Сяо Ми отшатнулась с чайником в руках и с удивлением на лице, а где-то в прачечной слуга, отстирывающий утреннее пятно, сделался ещё печальнее.

Опомнившись, девушка поставила чайник на стол, достала платок и положила его на ногу господина Фэна, чтобы жидкость впиталась. Чай быстро остыл, и боль ушла. Сяо Ми подняла взгляд на мужа и с виноватой улыбкой произнесла:

— Похоже, теперь мы квиты.

Господин Фэн почувствовал небывалую лёгкость от слов жены и в который раз поблагодарил Будду за то, что Сяо Ми всегда прощала людям им маленькие (и не очень) грешки.

Спустя полчаса супруги спокойно завтракали вместе. Про пятно господин Фэн благополучно забыл, а спина Сяо Ми более не тревожила хозяйку. Чиновник довольно улыбнулся. Девушка, заметив это, спросила, отчего господин так радостен.

— Это первый наш завтрак как мужа и жены.

Сяо Ми тоже улыбнулась и продолжила есть.

Спустя несколько минут господин Фэн вновь завёл разговор.

— Тебе нужно познакомиться с моими наложницами.

Госпожа Фэн натянуто улыбнулась и отвела глаза.

— Мы уже успели немного... поболтать.

— Д-да? И как? — мужчина по-прежнему переживал, что наложницы будут притеснять Сяо Ми, и беспокоился о девушке, потому что характеры их он знал очень хорошо. Про себя он надеялся, что жена ещё не пересекалась с их неофициальной предводительницей — Чень Юй. Даже господину Фэну порой с трудом удавалось укротить нрав Чень. Поэтому при знакомстве двух женщин он хотел бы присутствовать лично, дабы все остались живы.

— Побеседовала с одной милой женщиной.

— И кто же она? — господин Фэн таких не припоминал.

— Чень Юй.

Господин Фэн подавился, а слуга в прачечной горько заплакал.

— Ты-ы... в порядке?

— А Вы удивлены?

— Да. Нет. Немного, — Господин Фэн затараторил, — что ж, я рад, что вы нашли общий язык, хе-хе...

— Нашли общий язык... — тихо пробормотала Сяо Ми, припоминая утренний разговор.

— Ну, здравствуй, госпожа Фэн, — послышался из-за спины Сяо Ми женский голос с язвительной интонацией.

Девушка, до этого момента расставлявшая книги на полках, обернулась. В дверях стояла высокая женщина лет тридцати восьми — сорока. Она выглядела очень богато. С первого взгляда на её лицо можно было понять, что характер у неё прескверный. Одежды, чересчур вычурные и вульгарные, мало что скрывали. Женщина выглядела довольно сильной, у неё были весьма мощные для слабого пола мышцы рук и выраженные скулы, словно она постоянно смыкала челюсти в приступе гнева. Недаром слуги побаивались и остерегались её: другие наложницы могли накричать или пожаловаться хозяину на нерадивого поварёнка, а эта женщина в порыве злости могла так ударить, что ходить не сможешь неделю.

Сяо Ми положила книги на пол и со спокойным видом подошла к незнакомке.

— Здравствуй, меня зовут Фэн Сяо Ми. Могу я узнать твоё имя?

— Чень Юй, — презрительно бросила женщина и сделала шаг к госпоже Фэн.

Сяо Ми пришлось попятиться назад, чтобы сохранить дистанцию. Чень Юй, похоже, доставляло удовольствие видеть, как соперница отступает. Женщины остановились посреди комнаты. Оказавшись достаточно близко к Сяо Ми, наложница с удивлением отметила, что девушка выше, чем она. На лице госпожи Фэн застыла маска вежливости.

Она мягко спросила:

— Госпожа Чень Юй, ты ведь не просто так пришла ко мне? Наверное, ты хотела о чём-то поговорить со мной?

— Ты не так глупа, как кажешься на первый взгляд, — женщина хотела бы добавить, — «И не так красива», — но это было бы слишком явной ложью. — Дорогая, — наложница заговорила с напускной нежностью в голосе, — ты в этом доме всего ничего и пока мало знаешь о здешних правилах. Я пришла, потому что беспокоюсь о тебе и хочу заранее предупредить тебя о том, что делать можно, а что нельзя. Видишь ли, милая, ты так молода и неопытна, ты плохо знаешь, как угодить господину. Ты и сама должна понимать это, в конце концов, опыт показывает, что мужчинам рядом с тобой, — Чень Юй намеренно упомянула почивших мужей, упрекая Сяо Ми в нерадивости, — некомфортно. Поэтому мы — старшие — будем давать тебе советы, как услужить господину, а тебе стоит прислушиваться к нашим советам. Надеюсь, о благодарности ты не забудешь. И помни, ты не единственная в этом доме женщина, и пусть ты не так уж и плоха собой, ты и не первая, — наложница высоко задрала голову и ухмыльнулась. — Так что, Ми-Ми, — выплюнула Чень Юй, — глаза не поднимай и бёдрами не виляй. Я говорю — ты делаешь, я приказываю — ты слушаешься, я разрешаю... — ты дышишь.

Сяо Ми понимающе покачала головой и с доброй улыбкой сказала:

— Я бы и рада, но боюсь, старческий маразм поглотит твой прогнивший ревностью разум, и твой ссохшийся рот не сможет сказать ничего вразумительного.

Чень Юй застыла на месте, не веря своим ушам. Глаза её налились кровью.

— Ах ты, потаскуха! — гневно прокричала наложница и замахнулась.

Тяжёлая рука остановилась, не достигнув лица Сяо Ми. Чень Юй уставилась на пальцы госпожи Фэн, что крепко сжали её запястье. Наложница с рычанием попыталась дёрнуть руку на себя, но не смогла даже пошевелить ею. Чень Юй сжала вторую руку в кулак и занесла её в ударе. Она целилась в бок девушки, в рёбра. Однако всё повторилось. Сяо Ми перехватила вторую руку. Чень Юй начала вырываться с безумной злостью в глазах. Она уже собиралась пустить в ход ноги, как госпожа Фэн навалилась на неё всем весом, заставляя пятиться назад.

— Ай, чёрт! — простонала женщина, больно ударившись затылком о стену.

Помощники Бай и У, направлявшиеся к покоям господина Фэна, остановились у комнаты госпожи Фэн.

— Что это за звуки?

Старшая служанка, стоявшая у двери, поклонилась.

— Наложницы помогают госпоже обустроить комнату, — буднично ответила она. Приблизившись к молодым людям, она шёпотом добавила, — кажется, госпожа Чень Юй очень темпераментна. Ей не нравится расстановка мебели, а она так возмущается, будто её бьют.

Помощники переглянулись, а затем дружно закатили глаза. На лицах их было написано: «Ох, уж эти женщины!»

— Ты смеешь...? — прошипела Чень Юй.

— Ты же смеешь, — перебила её Сяо Ми.

Девушка прижала руки наложницы к её шее. Женщина начала задыхаться, и взгляд её с презрительного и возмущённого изменился на испуганный и жалобный.

— Дорогая, — так же ласково, как делала это в начале их разговора Чень Юй, Сяо Ми

обратилась к наложнице, — я уважаю старость и понимаю, как тяжело тебе поддерживать иллюзию ума и красоты, поэтому не буду взваливать на тебя ещё и ношу советчицы. Я не единственная женщина в этом доме, — Сяо Ми широко распахнула глаза и улыбнулась, — но могу стать ею.

По щекам Чень Юй непроизвольно потекли слёзы.

— Ты меня поняла, — уверенно прошептала Сяо Ми.

Женщина не могла кивать в таком положении, поэтому просто моргнула. Девушка отпустила руки наложницы, и та упала на колени, откашливаясь. Госпожа Фэн взяла с пола стопку книг и продолжила расставлять их по полкам. Чень Юй в бессилии наблюдала за действиями Сяо Ми. Наконец, женщина смогла подняться. На трясущихся ногах она прошла к двери, как вдруг хозяйка комнаты окликнула её. Сердце Чень Юй пропустило удар.

— Милая, — нежно пропела Сяо Ми, не оборачиваясь к застывшей в дверях «подруге» и не отвлекаясь от своего занятия, — передавай привет остальным.

— Да, — хрипло и невнятно выдавила из себя бывшая императрица дома Фэн и выскочила из комнаты.

— Моя мама научила меня общаться с людьми разных характеров. Поэтому, господин Фэн, не переживайте, я сумела найти подход к Чень Юй, — похвасталась Сяо Ми и уверенно улыбнулась мужу.

Господин Фэн облегчённо выдохнул.

Супруги продолжали трапезу.

Гон Пин открыл записи господина Хуана.

«Я прибыл на место преступления. Когда я зашёл в дом господина Ше, я услышал перешёптывания слуг. Как только они меня заметили, то сразу замолкли. Я попросил отвести меня в комнату, где умер их хозяин. Они проводили меня в покои господина Ше. У двери стояли двое охранников, которые не пропускали излишне любопытных внутрь. Я представился, и меня пропустили.

В комнате господина Ше стоял трупный запах, несмотря на то, что окно было открыто. Хозяин дома лежал на кровати. Рядом с ним, не замечая смрада, сидела его жена. Она представилась госпожой Ше, но попросила, чтобы её теперь называли старым именем — Шень Сяо Ми — потому что не может быть госпожи Ше без господина Ше. Помимо неё в комнате было две служанки — Чу-Чу и Лу-Лу.

Я подумал, что они убирались. Но госпожа Шень понимала, как важны улики, поэтому запретила притрагиваться к чему-либо. Единственное, что они сделали — это открыли окна, чтобы проветрить помещение. Я достал из своей сумки увеличительное стекло и подошёл к трупу. Я не был знаком с господином Ше, никогда не видел его. Но знакомые описывали мне его внешне достаточно приятным человеком с небольшим лишним весом. Тело, которое лежало на кровати, мало подходило под это описание. Оно было ссохшимся, бледно жёлтого цвета. Создавалось впечатление, что этот человек долгое время голодал и мучился от жажды. Подушка была усыпана выпавшими волосами. Но самое отвратное было не это. Одежды на груди, шея и подбородок господина Ше были в крови и её сгустках, засохших и затвердевших.

Я спросил госпожу Шень о состоянии её мужа в последние дни. Женщина, на которой по-прежнему лица не было, ответила, что последнюю неделю господин Ше чувствовал себя очень плохо. Сначала пропал аппетит. Но никто не обратил на это внимания — с господином порой бывало такое: на несколько дней у него пропадало всякое желание принимать пищу, а потом он снова становился голодным как волк. Однако затем господин слёг: как-то вечером у господина Ше, по его собственным словам, начало «изнутри огнём гореть тело», а утром, когда слуга зашёл к нему, его лихорадило. Разумеется, едва господину стало плохо, послали за врачом. Но того не было в городе, так как он был вызван для консультации в соседнюю деревню. В доме Ше был и свой врач, который, к сожалению, не мог оказать никакую помощь, ибо этим врачом был сам господин Ше.

Из людей, которые имели пусть и небольшие, но хотя бы какие-то знания в области медицины, были только госпожа Шень и личный слуга хозяина дома. Общими усилиями им удалось снизить температуру и облегчить лихорадку. Господин Ше даже пришёл в себя на недолгое время. И уставшие лекари с облегчением подумали, что они сумеют дождаться возвращения врача, который обещал прибыть на следующий день.

А буквально через полдня господина Ше начало рвать кровью. Когда врач приехал, хозяин дома уже не дышал.

Слуги рассказывали, что, когда лекарь открыл дверь в комнату, послышался отвратительнейший запах. Господин лежал на кровати. А по разные стороны этой кровати стояли госпожа Шень и личный слуга Ше. Всё произошло так быстро и грязно, что оба замерли с тазами и полотенцами в руках, не смея поверить в такую ужасную

смерть. Мужчина и женщина растерянно и непонимающе переглядывались и только потом заметили доктора. Тот подтвердил смерть, и госпожа Шень обессиленно осела на грязный пол.

Врач провёл первичный осмотр и заключил, что болезнь вызвана ядом, но он затруднялся определить, каким именно.

Когда я увидел тело, я предположил, что это может быть, но когда я услышал, как протекала болезнь, я окончательно утвердился в диагнозе. Врач был прав, считая, что это отравление. Но он не знал, чем именно. Не мудрено, он был местным лекарем и не покидал место работы надолго, поэтому, возможно, даже не слышал о яде, с которым я был знаком очень хорошо.

Яд Гу.

Впервые я встретил человека, отравленного этим ядом четыре года назад. У того больного, ныне покойного, болезнь проходила точно так же, как и у господина Ше. Потом я слышал ещё о двух случаях, которые протекали примерно так же. Тогда я по приказу Императора отправился на юг обучать дикарей основам врачевания, дабы они могли повысить качество жизни. От местных я узнал, что существует яд, противоядие от которого есть лишь у его создателей. Этот яд — яд Гу — изготавливали несколькими способами. Как правило, в сосуд помещали гадюку, сороконожку, скорпиона, жабу и паука, дабы те пожирали друг друга, пока не останется лишь одна тварь, питавшаяся ядовитой плотью и соками съеденных животных. Из неё и получали яд Гу. Прмерзкий способ, но, похоже, очень действенный. На юге этого яда боялись до дрожи. В других же частях Китая о нём пока ещё почти никто не слышал.

Я посчитал, что это весьма странно, что яд объявился так далеко от юга. Полагаю, у убийцы были знакомые-южане или сам он был из южного Китая.

Конечно, я расспросил, не заходили ли к покойному прежде какие-нибудь гости, но, как оказалось, господин Ше больше месяца занимался исследованиями и ни с кем кроме жены и слуг не общался. Тогда я стал расспрашивать слуг, был ли кто-то принят на работу в течение месяца, покупали ли они что-либо у новых торговцев, в частности южан. Но те лишь качали головой, утверждая, что без разрешения хозяина нельзя принимать на работу и менять поставщиков. Я попросил на всякий случай избавиться от еды, которая была в доме, так как убийца мог добавить в неё яд — неизвестно был ли его целью только господин Ше или кто-то ещё. Помимо слуг я допросил и первого помощника покойного, врача и саму госпожу Шень. Во-первых, они могли видеть что-то подозрительное, во-вторых, двое из них были потенциальными убийцами. Первый помощник проводил большую часть времени с господином, ему доверяли, и он вполне мог оказаться тем, кто незаметно добавил яд в питьё или пищу Ше. Госпожа Шень, хоть даже мне было неловко подозревать её, также была лицом, близким господину Ше и пользующимся его доверием. Но мотивы их мне были неизвестны. По словам слуг, господин Ше довольно хорошо относился к помощнику и никогда не наказывал его жестоко, а с госпожой Шень у них были и вовсе тёплые отношения. Они всегда мило беседовали за чаем, и девушка с интересом слушала подробности исследований, проводимых мужем, даже порой сама помогала ему в них.

Я попытался узнать, покидали ли помощник и госпожа поместье около месяца назад. Мне сказали, что госпожа и помощник никуда не уходили из дома, разве что на фестиваль. Я удивился этой новости. Выяснилось, что чуть более месяца назад в городе проходил ежегодный фестиваль. На празднике в центре города собралось огромное количество

людей, госпожа Шень и помощник также были на нём, так как до этого слёзно отпрашивались у господина, говоря, что проводить время за его исследованиями, безусловно, очень интересно, но им хочется увидеть живых людей ещё хотя бы раз в жизни. Хозяин не пошёл с ними, потому что толпа радостных людей вызывала у него мигрени и он предпочитал сидеть дома, чем принимать участие в праздниках. В тот день в доме остался только он и ещё пара слуг на случай, если господину что-то понадобится. Все остальные также отправились веселиться с позволения Ше.

Слуги разместились рядом с кухней, болтая обо всём подряд, готовые принести обед, если хозяин прикажет. Но хозяин их лёг спать, и они, чтобы не будить его громкими звуками, переместились на задний двор. Окно в комнате господина Ше не выходило на задний двор и к тому же почти всегда было открытым, чтобы резкие запахи, которые появлялись во время опытов Ше, уходили. Таким образом, убийца, преодолев пустующие улицы и подобравшись со стороны окна, вполне мог попасть в хозяйскую спальню. Удобнее всего это было сделать во время сна господина Ше. Я предполагаю, дело обстояло так: убийца подкрался к окну и в питье или в остатки пищи на столике, прилегающему к окну, подмешал яд, что было легко, так как окно расположено совсем не высоко. Затем преступник скрылся, не оставив следов. Про «не оставив следов» я говорю, потому что проверил всё в покоях господина Ше, само окно и территорию рядом с ним.

Теперь убийцей мог быть кто угодно. Я снял подозрения со слуг, бывших на заднем дворе, так как все они утверждают, что никто из них не отлучался. Разумеется, есть вероятность сговора, но опять же ситуация с окном говорит, что вариантов существует слишком много для того, чтобы обвинять этих людей, не имея правдоподобных доказательств и оснований. Кроме того у них нет очевидных мотивов.

Конечно, как сказано выше, убийцей мог оказаться кто угодно. Но для эксперимента в надежде найти хоть что-нибудь я проверил, не отлучались ли с фестиваля помощник и госпожа Шень. Я опросил некоторых людей с фестиваля. Кто-то из них был из дома Ше, кто-то не был связан с этим домом. Все они заявили, что во время фестиваля знатным господам и госпожам, включая госпожу Шень, отводилось особое место, с которого они наблюдали за праздником. И также все они, включая госпожу Шень, не отлучались. А помощник не отходил от госпожи Шень ни на шаг, так как господин Ше приказал ему следить за безопасностью девушки.

Мои искания завели меня в тупик. Я пробыл в городе ещё какое-то время, расспрашивая разных людей в попытке найти хотя бы мотивы или, может, каких-то свидетелей, но всё тщетно.

Я приходил в поместье каждый день, проводя со слугами, госпожой Шень и помощником долгие беседы, чтобы они поскорее свыклись с горем и приняли смерть господина Ше. Но в первую очередь я наблюдал за их поведением. Я пытался найти намёки на странное отношение к смерти хозяина. Конечно, все люди переживают потерю по-разному, но, безусловно, общие черты есть. И всё же ничего необычного я не обнаружил.

С сожалением я вынужден признать, что преступление нельзя раскрыть, так как нет ни улик, ни мотивов, ни свидетелей.

Хмурый Гон Пин взял в руки записи врачевателя Цзяня и управляющего Тона. Первый засвидетельствовал смерть господина Ли. В отличие от предыдущего дела здесь никаким криминалом и не пахло. Доктор заявлял, что по всем показаниям у господина Ли случился сердечный приступ, что, судя по словам дальних родственников, приехавших на похороны,

было не слишком неожиданно, так как в роду Ли многие страдали от слабого сердца, и даже мать Ли скончалась в раннем возрасте от сердечного приступа. Никаких следов насильственной смерти господин Цзянь не обнаружил. По этой причине никто следователя не приглашал.

Врачеватель остался как гость в доме Ли почти на полгода, потому что после смерти мужа госпожа Шень впала в глубочайшую печаль и захворала. Господину Цзяню даже пришлось прописать девушке успокаивающие чаи и настойки, чтобы такой стресс не навредил её душевному и телесному здоровью.

Позже выяснилось, что некоторые травы запрещены для употребления госпоже Шень из-за её больных глаз. Она об этом не знала, поэтому всё дошло до обострения болезни. Пришлось вызвать врача Се, который был лекарем в доме Шень и наблюдал за здоровьем госпожи Шень с самого её рождения. Общими усилиями докторов девушка вернулась к обычному своему состоянию, не считая некоторой апатии, которая, как заверял господин Цзянь, была обычна после смерти близких людей.

Она винила себя, что недостаточно внимательна была к мужу, и утверждала, что если бы она была добрее к нему, то он был бы ещё жив.

Управляющий Тон писал, что хозяйка была неправа, потому что она и так была очень добра к мужу. Вспомнить хотя бы её обращения к супругу: «милый Ли Цзе», «Ми-Ми соскучилась по тебе, Цзе-Цзе», «удели мне внимание, любимый Цзе-Цзе, и поцелуй меня». Сторонний наблюдатель не мог не улыбнуться, смотря на эти нежности.

Гон Пин, читая записи управляющего, и сам был не прочь прослезиться, но военный устав не позволял, так что мужчина лишь умилённо шурился.

Больше записи не располагали никакими данными, что разочаровало Гон Пина. Он надеялся, что материала будет больше, чем в записях господина Хуана, но по итогу их было даже меньше. Надежда была на третьего мужа.

Следствие вёл господин Чу и помогал ему господин Цян Дао, который господина Чу и нанял. Цян Дао был близким другом почившего господина Луана, поэтому считал своим долгом найти убийцу и отомстить. А то, что убийца действительно существовал, было очевидно — господин Луан был задушен голыми руками. Но чьими?

Лицо господина Луана было бледным, с синюшными губами и выпученными глазами. Его тело было найдено в его же рабочем кабинете. Оно находилось на полу, рядом с диваном. Господин Луан больше 1,8 метра в высоту, тяжёлый раскинулся в позе звезды. Руки были немного согнуты в локтях. Он был в длинном голубом халате, который он всегда надевал перед сном. Когда я закатил рукава, то увидел под ними синяки, кожа была в очень плохом состоянии. На ощупь угадывались закрытые переломы костей предплечий и нескольких костей пястья, плечелоктевой сустав правой руки был разможён, а верхние слои кожи в этом месте повреждены.

На короткой, но толстой шее господина Луана были видны очень чёткие следы пальцев. Недюжинная сила должна быть у человека, который смог задушить этого великана.

Я внимательно рассмотрел следы рук убийцы. Женские и мужские руки хоть и имеют общие черты, всё же отличаются.

Рассматривая повреждения, я примерно смог накидать картину, происходившую здесь две ночи назад. Я полагаю, господин Луан, повстречав убийцу, выставил руки вперёд, чтобы отбиться, но убийца толкнул его на пол. Голова не повреждена, так что, скорее всего,

господин Луан, испугавшись, вцепился в преступника, и тот замедлил падение, смягчив удар. Оказавшись на господине Луане, убийца обхватил руками шею мужчины под самой челюстью и начал душить того. Жертва пыталась спастись, поэтому старалась отвести от себя чужие руки. Преступнику это, разумеется, не понравилось, поэтому он (учитывая, что его руки были заняты) коленями надавил на предплечья мужчины. Господин Луан пытался высвободить конечности, за что получал удары ногами (это объясняет тяжёлые травмы рук).

Таким образом, господин Луан умер от удушения.

По этим уликам можно составить приблизительный портрет убийцы: высокий сильный мужчина с мощными или массивными коленями, сильными руками с короткими пальцами. Он явно был в гневе, так как выбрал весьма грубый способ убийства. Вероятно, это не было спланированным покушением. Менее вероятный вариант — это был какой-то совсем уж новичок и простачок. Полагаю, преступник был мотивирован каким-то событием, произошедшим непосредственно во время разговора с господином Луаном. При всей спонтанности преступления убийца не оставил других следов. Было неясно, как он попал в кабинет, как покинул его, чем его вывели из себя.

Господин Луан тем вечером разбирался с бумагами. Он получал значительный доход от игорного дома, хозяином которого являлся. Накануне покушения он разбирался с должниками, поэтому в его кабинете в тот день побывало много молящихся о перенесении сроков оплаты, так много, что слуги уже и не проверяли последних.

Следователь Чу решил начать с мотивов и... Что ж, он узнал о господине Луане очень много. Человек этот не зря звался другом Цян Дао. Оба они были из грязи и жадности. Господин Чу не был знаком с почившим и никогда ничего ему не был должен, но он душою понимал людей, которые желали смерти господину Луану. А их было... в общем, все, кто знали господина Луана, все желали ему скорейшей и мучительнейшей смерти. Все кроме Цян Дао. Они, чуя, что конкуренция их ни к чему не приведёт, настолько старались быть дружелюбными друг с другом, что даже подружились.

Ещё смерти мужу не желала госпожа Шень. Вернее, никто не уточнял, желала ли она. С мужем у них были немного натянутые отношения. После его смерти она всплакнула немного и успокоилась. Но считалась она местной святой, так что народ верил, что хотя она его и недолюбливала, смерти ему не желала.

Дочитав записи господина Чу, Гон Пин понял несколько вещей.

Во-первых, улик было катастрофически, глобально, безбожно мало.

Во-вторых, свидетелей не было вообще, за исключением госпожи Шень и её служанки.

В-третьих, какого чёрта он подписался на такую авантюру, ему же пахать-ненапахаться?!

В-четвёртых, всё усугублялось тем, что следы давно затоптаны, тела попорчены, а методы непохожи.

В-пятых (и это единственный положительный пункт), образ убийцы, пусть и отдалённо, проглядывался. Исходя из того, о чём прочитал Гон Пин и о чём ему рассказали госпожа Шень и Чу-Чу, можно было составить портрет: мужчина, высокий, сильный, худой, сильные короткие пальцы, мощные колени.

Убийство первой жертвы (господина Ше) аккуратно, продумано, спланировано заранее, метод — отравление (яд Гу).

Убийство второй жертвы (господина Ли) под вопросом, метод — под вопросом.

Убийство третьей жертвы (господина Луана) спонтанно, грубо, крайне жестоко, метод — удушение.

Гон Пин даже задумывался над тем, что работали разные люди. Наёмничество исключала спонтанность третьего убийства. Разных людей — образ убийцы. Гон Пин решил для себя, что сейчас будет вести следствие, отталкиваясь от того, что убийца — один, но в голове будет держать мысль о возможности того, что убийц может быть два или три. На то, что в одном убийстве могло участвовать два и больше человека, ничто не указывало, к тому же это было бессмысленно, так как одного человека для этого было вполне достаточно.

Интуиция подсказывала Гон Пину, что убийц связывает именно Шень Сяо Ми. Первое что приходило в голову, — господин неизвестный (Гон Пин решил, что до выяснения личности будет называть предполагаемого убийцу «господин неизвестный» или «господин подозреваемый») был влюблён в госпожу Шень и видел в её мужьях соперников или что-то в этом роде.

Даже если он не был влюблён, его поведение в некоторой степени можно назвать заботой, а ещё более явно помешанностью. Увидев Шень Сяо Ми всего один раз, Гон Пин и сам готов был помешаться.

Другим вариантом была ненависть. К ней же можно было отнести зависть и ревность. Предположим, убийца, испытывая обиду или чувствуя себя оскорблённым, пытался насолить или отомстить госпоже Шень, а потому прибегнул к таким радикальным мерам.

— Господин Гон Пин!

— О Небеса! Тьфу на тебя, А-Сянь!

— Господин, я нашёл лопаты!

Первый помощник верного слуги императора вихрем ворвался в кабинет и мысли начальника. Задумавшийся следователь так абстрагировался от мира, что чуть не навернулся со стула от неожиданности.

— Молодец! Какие лопаты?

— Как «какие лопаты», господин? — выпучил глаза А-Сянь. — Сами же сказали: «А-Сянь, готовься, ночью пойдём на кладбище!» Я и подготовился.

— ... — Гон Пин многозначительно повёл бровью.

— А, то есть, — А-Сянь жалобно замымлил, — опять только я, но я подумал, может, вы ещё хоть кого-нибудь позовёте, там, У и Бая, хотя они охраняют господина Фэна, но вдруг...?

— ...

— Да понял я, понял. Господин, Вам когда-нибудь говорили, что Вы бессердечны? Мне же три могилы раскапывать. А господин Луан, по слухам, ещё и страшным жирдя...

— ...

— Ясно.

— А-Сянь, — мужчина положил руку на плечо помощника, — меньше народу — тише погода, меньше вероятность, что нас заметят. Да-да, мы, конечно, благое дело делаем, но, по моему опыту, люди о мёртвых беспокоятся больше, чем о живых.

— Зато с Баем и У нам бы не пришлось маячить на кладбище так дол...

— ...

— А впрочем, Вам виднее.

— Молодец, бери лопату и пошли.

— Я всё-таки несколько возьму. В конце концов, три могилы, может и сломаться.

— А-Сянь, тебе не кажется, что ночью даже трава как-то по-другому пахнет? По-особенному? — спросил Гон Пин, вертя в руке фонарь.

На кладбище опустилась тьма, и волки вышли на зверя, только не волки, а следователи, и не на зверя, а на тело.

Помощник, истекая потом, разогнул спину и просипел:

— Не знаю, не замечал. Мы с Вами, когда на прогулку ночью выходим, Вы меня всегда на кладбище тащите. А пока копаю, у меня в носу земля, во рту земля, в ботинках земля, у меня вообще везде земля, у меня все следующие сутки даже в мыслях земля!

— Это был риторический вопрос, — недовольно проворчал Гон Пин, — работай давай.

Следователь думал над тем, каким образом убийство мужей могло так уж сильно насолить госпоже Шень. Разве нельзя было придумать что-то более действенное? Ведь он не знал, в каких отношениях она находилась с ними, хотя... если это был близкий человек, то вполне мог.

Гон Пин видел здесь ещё один вариант. Что если дело было не в реакции госпожи Шень, а в реакции общества? Дьявольски красивая девушка выходит замуж, муж умирает, потом это повторяется ещё и ещё. Не слишком хорошая репутация у неё складывается. А народ ведь суеверный. Мало ли как она такой красивой стала? Мало ли чем платит за такое лицо?

— Ох, и плотно же его прикопали, прямо притоптали, — кряхтел А-Сянь, орудуя лопатой на могиле третьего мужа, — будто не хотели, чтоб вернулся. Как они его!

Но убийство третьего мужа портило логическую цепочку. Если бы оказалось, что виновна Сяо Ми, то её бы, скорее, похвалили и поблагодарили за сей благородный поступок. Кроме того, жестокость. Жестокость — это лишнее. Хм.

— А-Сянь, как долго прожили мужья после свадьбы?

— Сколько бы ни прожили, они все были обречены, — пошутил А-Сянь.

— «Они все были обречены», — повторил про себя Гон Пин.

— Первый муж — год и семь месяцев, второй — два с половиной года, третий — пять

месяцев.

Последний муж прожил меньше всех, умер от жестокого и незапланированного покушения. И все знали, что с госпожой Шень у них были натянутые отношения. Господин Луан нарушал версию убийцы-ненавистника и хорошо дополнял версию убийцы-помешанного.

— Они снова с нами! — весело заявляет чумазый А-Сянь, тыкая лопатой в трупы.

— Отлично! Нам предстоит тяжёлая ночь.

— Вы поможете мне их тащить?

— ...

— Я должен был попытаться, — грустно выдыхает первый помощник, очищает лопаты от сырой земли и принимается заворачивать тела в плотную ткань. — Что дальше, господин? — спрашивает он и видит на лице Гон Пина полусонную задумчивость. — Чаю?

— Чаю, — улыбается Гон Пин, подчёркивая в записной книжке «убийца-помешанный».

В приподнятом настроении господин Фэн возвращался домой. Весь день он посвятил содействию раскрытию дела об убийстве бывших мужей своей супруги. Говоря о содействии, имеется в виду, что он белее менее внимательно выслушал всё, что смог собрать Гон Пин, а также раз сто закатил глаза, пока старый друг повторял ему из раза в раз, как в нынешнем положении чиновника важна бдительность и наблюдательность.

Помимо всего этого господину Фэну ощутимо досталось за покушение на улики, когда во время обследования трупов мужчина неловко повернулся и смёл со стола для осмотра порядком подгнившее тело несчастного третьего мужа. Под вопли паникующего А-Сяня Гон Пин чуть слюной от гнева не изошёл. Господин Фэн и сам без пояснительной записки почти на тот свет отбыл, сначала его до ужаса напугал вид разлагающегося предшественника, а затем яростный Гон Пин. И положа руку на сердце, мужчина больше боялся второго, у которого перед первым были значительные преимущества — относительная дееспособность, не нарушенная двигательная активность и как ядовитая вишенка на торте с мышьяком — нож в руке.

В общем, под конец дня Гон Пин раздражённо попросил его отправиться домой, дабы отдохнуть от тяжкого труда. «Так, всё, ты уже натрудился, возвращайся к жене». — «Да я не устал». — «Я устал! Свали с глаз моих!.. Дорогой друг». — «Ладно-ладно, сваливаю, дорогой друг».

В сопровождении телохранителей Бая и У, которые всю дорогу весело и подозрительно перемигивались, господин Фэн уже затемно добрался до дома. По пути в комнату его никак не отпускало чувство, что что-то в поведении этих двоих не так. Своими перемигиваниями они словно посылали друг другу сигналы. Господин Фэн был не в силах постичь, что замышляют эти черти, но у него было стойкое чувство, что за его спиной плетутся заговорщицкие заговоры и интригующие интриги. Господин Фэн жутко хотел в них поучаствовать, однако шестое чувство говорило ему, что эта игра только для Бая и У, и ни для кого более.

После долгой прогулки, не свойственной обычному образу жизни чиновника, одежды мужчины пропитались потом. Господин Фэн принял волевое решение помыться. Тем более, что ему хотелось предстать перед женой во всей красе. Господин Фэн покрылся красными пятнами от смущения и позора. С первой брачной ночи (если её можно так назвать) прошло больше двух недель, а жених... ну, не того... не этого... В общем, звёзды (единственные виноватые во всей ситуации) все эти дни никак не могли сойтись. Но сегодня воодушевлённый или же напуганный тем, что он может умереть в любой момент от загадочного убийцы или от рассерженного Гон Пина и так и не обрести своё счастье, господин Фэн убедил себя идти до конца.

Чиновник позвал к себе слугу и спросил, не легла ли ещё его жена спать.

— Госпожа Фэн сейчас принимает ванну.

— «Вот оно! Это знак!»

— Свободен.

— Слушаюсь, господин.

— «Я присоединюсь к ней, — думал господин Фэн, направляясь в дальнюю часть дома, где находилась большая ванна и где нежилась в тёплой воде его супруга, — так даже

лучше», — воображение рисовало мужчине заманчивые картины.

Чу-Чу встретила хозяйина дома испуганным взглядом и словами «Господин, госпожа моется, она просила не беспокоить», произнесёнными так громко, как женщина могла.

В помещении витает приятный сладковатый запах ароматных масел. По периметру горят свечи. В большой ванной, напоминающей по размеру бассейн, вода тёплая, даже немного горячая. Пышная пена не даёт теплу уйти. Сяо Ми блаженно запрокидывает голову назад и потягивается. Гладкое и посвежевшее после умывания лицо сияет. Шёлковые смоляные волосы собраны и заколоты, чтобы пена не попала на них, однако некоторые прядки всё равно выбиваются из причёски и падают на влажные плечи, тяжелея от воды. Пена, осевшая на рёбрах, не скрывает нежной белой груди.

Шень бултыхает ногами, вытягивая их во всю длину. Вода кажется мягкой. От жара на лице выступают маленькие капельки пота. Сяо Ми разводит пену перед собой, зачерпывает воду и умывается.

Крики за дверью заставляют девушку замереть.

— «Он зайдёт?»

Разборки мужчины и женщины приглушённые, но различить, о чём они спорят, несложно.

— Я что, в своём доме не могу свободно передвигаться?! Ты кто такая, чтобы мне приказы отдавать?!

— Но госпожа просила!...

— А ну, отойди, тварь!...

Сяо Ми слышит тяжёлые шаги и отмирает. Заколки летят куда-то в угол. Девушка распускает волосы и прижимает к груди. Те намокают и прилипают к коже. Шень опускается так, чтобы вода доходила до нижней губы.

Дверь медленно открывается. Чу-Чу загоразивает собой хозяйина дома и кидает на госпожу взволнованный взгляд. Сяо Ми быстро собирает перед собой столько пены, сколько возможно, и кивает женщине.

Служанка не успевает даже отойти, как господин Фэн нетерпеливо отталкивает ту и выгоняет за дверь, понося «дрянную старуху» за излишнюю дерзость.

— Дорогая жена, позволь присоединиться, — наполовину спрашивает, наполовину ставит перед фактом мужчина, развязывая вычурный банный халат. — Я-я, — тянет он, по ступенькам спускаясь в ванну, — сегодня так набегался. Даже не представляешь, как я устал, запыхался...

Сяо Ми старательно выдавливает на лице впечатление и смущение. Наконец, всё тело господина Фэна до пояса оказывается скрыто водой и пеной, и девушка облегчённо выдыхает.

Господин Фэн закрывает глаза и на время замолкает. Сяо Ми напряжённо вглядывается в его лицо, пытаясь понять, что ей делать дальше. Чужая нога под водой касается её стопы, и она прижимает к себе колени так сильно, как это возможно.

— Госпожа Фэн, думаю, эта ванна — прекрасное место для нашей первой ночи, — мужчина задумывается, — настоящей, — подмигивая, добавляет он.

— Правда, господин? Я так не думаю.

— Почему же?

— Ты ведь сам сказал, что очень устал... Я ни в коем случае не отказываюсь! Просто

предлагаю для начала отужинать, а затем перебраться в твои покои. Тем более, — томно говорит девушка, — ты же понимаешь, мне нужно время подготовиться...

Господин Фэн, не успев расстроиться от слов жены, активно кивает — идея супруги кажется ему даже более заманчивой и удачной, чем собственная.

— Тогда, мой муж, поступим так: ты помоешься и прикажешь накрыть на стол, а я подойду чуть-чуть позже, — Сяо Ми игриво подмигивает и улыбается.

Мужчина, продолжая неистово кивать словам жены, наспех обмывается и, как большая неуклюжая жаба, выпрыгивает из ванны.

— Фух... Чу-Чу! — кричит Шень, после того как остаётся одна в ванной комнате.

— Да?

— Ты всё слышала?

— Да.

— Хорошо, — Сяо Ми подтягивается на руках и наваливается на бортик, — подай мне, пожалуйста, полотенце, и можешь идти.

— Дорогая жена, можем ли мы, наконец, пойти в комнату?

— Дорогой муж, не ёрзай, пожалуйста, ещё чай.

— Дорогая жена, я не хочу чай.

— Дорогой муж, это для бодрости, о тебе ведь беспокоюсь.

— Дорогая жена, ты во мне сомневаешься?

— В тебе — нисколько, а вот в том, что ты после такого количество еды как обычно не заснёшь сном поваленного медведя, я сомневаюсь.

— ...

— ...

— Ну, ладно, уговорила.

— Голова кружится...

— Всё хорошо, дорогой, всё хорошо...

Перед глазами господина Фэна неясные цветные пятна, вытекающие из пустоты и друг из друга, сменяющиеся новыми оттенками. Постель кажется ему ватой, в которую он проваливается целую вечность. Он не видит стен, потому что эти странные цветные пятна закрывают ему обзор, но у него ощущение, что комната шатается, вертится, то странным образом сужается, то расширяется. Перед ним лицо Сяо Ми — прекрасной, чудесной Сяо Ми...

— Сяо Ми... Ах!...

... которая сидит на его бёдрах в одежде, воротник платья которой оттянут вниз, отчего бесконечно длинная шея кажется ещё длиннее, хотя, казалось бы, куда уж. Шень покачивается, сосредоточенная и внимательная, но в то же время какая-то отстранённая, будто пытается не обращать внимания на процесс, будто хочет находиться где-нибудь подальше от этого места и от господина Фэна. Но у мужчины слишком замутнено сознание, чтобы присматриваться к таким мелким деталям. Ему очень хорошо, так, как, кажется, ещё не было. Неожиданно всплывающая мысль о чае ускользает почти мгновенно, не понимая, зачем вообще возникала.

Туман перед глазами уже не позволяет различать даже ближайшие предметы.

— Сяо Ми... Х-х-ха-ах-х!... Жена... — хрипит господин Фэн и вытягивает губы, — сю-

сюда, сюда...

Шень, наконец, обращает внимание на мужа и хмурится. Господин Фэн видит лицо Сяо Ми в миллиметрах от себя. Оно обрамлено цветными пятнами и разводами. Господину Фэну мерещится усталость и раздражение в глазах жены, но та улыбается, пусть и странно натянуто, а значит, всё в порядке. Девушка поджимает губы, собирая храбрость в кулак, и аккуратно целует мужа. Ощущения смешиваются, и господин Фэн уже мало что понимает. Странное чувство невозможности разобрать звуки, вкус, запахи. Всё это смешивается в какую-то непонятную кашу, которая вместе с порядком надоевшими цветными пятнами, вызывает накатывающую волнами слабую тошноту.

Господин Фэн делает рывок, чтобы углубить поцелуй, но его голова раз за разом только бьётся о подушку, потому что шея ослабла и не способна держать её на весу.

Очередная судорога удовольствия проходит по телу. Чиновник чувствует, как со лба его льётся пот; ему даже кажется, что он слышит звук падающей воды у ушей. Потом наступает холод. Пятна перестают раздражать глаза. Они двоятся, троятся и потухают. Перед тем, как провалиться в глубокий сон, господин Фэн слышит шум платья жены, которая ложится рядом с ним.

На празднике в честь... да неважно в честь чего, возможно, даже и не в честь чего-то, а просто так, собрались всё те же господа, что были и на свадьбе. Собрались так же — в доме Фэн.

Хозяин поместья громко хохочет, повизгивая как свинья, барахтающаяся в грязи, и размашисто хлопает руками, аплодируя шутке весёлого гостя, блеснувшего сходящим на нет остроумием, что предсказуемо после стольки бокалов вина. Шень шумно обмахивается веером, после не слишком умного анекдота закатывает глаза, а после того, как муж в очередной раз не попадает палочками в свою тарелку, громко и забавно фыркает. Платье господина Фэна, как коврик для ног, собрало уже неповторимые отпечатки подошвы обуви всех гостей, пока его длинные полы перекрывали проход за спиной хозяина дома. Дорогая ткань слиплась и пропиталась и необыкновенно редкой настойкой чиновника Линя, и невероятно острым соусом чиновника Мэна, и исключительного великолепия вином почтенного чиновника Яо. Так же, как и большая часть одежды господина Фэна, она, словно маленькое насекомое, прожила один день длиной в жизнь и перестала быть пригодной для чего-либо ещё кроме накрывания цветов на зиму. Помощник господина Фэна, спящий в своей маленькой каморке, вздрогнул во сне и с головой накрылся выбеленным одеялом, прячась от страшной и жестокой реальности, в которой есть несводимые пятна.

Телохранители Бай и У стоят поодаль от пирующих и, облокотившись на выступающий подоконник, обсуждают гостей.

— Ммм... Эх...

— Я тоже думаю, что почтенность чиновника Яо явно напускная и надуманная, — отвечает У, как всегда ловко угадывая мысли коллеги, — не каждый молодняк может так налакаться и ещё танцы танцевать. Я больше скажу, даже не каждый не налакавшийся молодняк может такие танцы танцевать.

— М-да...

— Кстати, да, я не заметил, а ведь точно, госпожа Шень сегодня так раскрепощена. Обычно она такая тихая и незаметная...

— Ха?

— То есть нет, я не в том смысле, что... Госпожа Шень, она как первый цветок в ещё сонном весеннем саду, только она входит в комнату, как внимание всех присутствующих неизменно обращается к ней. Но её характер таков, что порой она как призрак: то появляется, то исчезает. Ты понимаешь, как птичка! Крохотная красивая птичка, такая крохотная и красивая, что даже незаметная.

— Пф.

— Не придирайся к словам.

Сяо Ми вытерла пот со лба и щёк, размазав белила. Почтенный чиновник Яо в пляске задел бутылку вина. Та пьяно покачалась и упала на корзину с фруктами. Запах свежего зелёного винограда, гранатов и локв перебил не менее ароматный, но более резкий запах старого фруктового вина. Сяо Ми взяла из вазы горсть ягод, вымытых спиртом, и положила в рот. Когда рука опустела, она поняла, что её пальцы испачканы белилами. Хозяйка дома Фэн неуклюже поднялась из-за стола и отошла в сторону от толпы, чтобы поправить макияж.

Даже отвернувшись к стене, Сяо Ми продолжала весело улыбаться и тихо смеяться, хотя

была она уже достаточно далеко от гостей, а шутки их были уже весьма далеко от понятия смешные. Весь вечер эти алые мягкие губы были растянуты в улыбке, которая, на взгляд постороннего трезвого человека, выглядела то ли чересчур натянутой, то ли слишком искренней и откровенной, словно бы девушка долго сдерживала смех, а теперь вдруг не смогла более скрывать эмоции, и преграду прорвало диким хохотом.

— Иногда мне так жаль госпожу Шень, — грустно заявляет помощник У коллеге, — тебе не кажется, что она заслуживает лучшего?

— Думаешь, она несчастна?

— Не знаю. Я её не понимаю.

— Тогда откуда тебе знать, что её что-то не устраивает.

— Она показалась мне хорошим человеком. А господин Фэн, он такой... — У, подбирая слова, бросает задумчивый взгляд на хозяина дома, который бодается с чиновником Линем, и морщится, — он такое недоразумение.

— Недоразумение? Это ты сейчас так большую часть чиновников обозвал? Они ведь все друг на друга похожи.

— Да серьёзно, ты смотришь на госпожу Шень и господина Фэна. Они рядом, держатся за ручки. Улыбаются друг другу. Кокетничают. Госпожа Шень красотой и скромностью блистает без устали. И тут же господин Фэн, с ночной попойки, не мывшийся, грубящий слугам, он... Он даже солнце госпоже Шень закрывает. Она, бедная, в темноте стоит, света белого не видит за неисчислимыми подбородками господина Фэна. Господи, я как представлю, что он надо мной так нависает, аж за сердце схватиться хочется. Как она ещё испуганно не заверещала и не сбежала от него я просто диву даюсь. Мне до её храбрости пять войн воевать и не умирать.

Помощник Бай усмехается.

— И часто ты себе представляешь, как над тобой нависает мужчина?

— Мне представлять не приходится, — поводит бровью У, хитро улыбаясь другу.

— Да что ты?

— Да, я хорошо знаю это чувство.

— Интересно, откуда? — спрашивает Бай, незаметно придвигаясь к коллеге.

— Может быть, оттуда же, откуда ты знаешь, каково это нависать над другим мужчиной?

— ...

— ...

— Думаешь, кто-то попытается убить господина Фэна сейчас? — едва слышно шепчет помощник Бай, внимательно оглядывая помещение.

— Думаю, нет. А даже если кто-то и хотел бы, то через почтенного чиновника Яо, бегающего вокруг стола на невероятных скоростях, никто не смог бы пройти.

— Мгм.

— Так что, коллега? Не пора ли нам осмотреть периметр? — спрашивает У и тянет Бая за рукав в тёмный коридор, — чувствую, нам с Вами нужно срочно осмотреть ту дальнюю безлюдную комнату в левой части дома, осмотреть тщательно и без свидетелей.

— В таком случае, коллега, — тянет Бай, выделяя голосом последнее слово, — предлагаю более не задерживаться.

Телохранители господина Фэна исчезают из вида гостей (пусть на них и так никто не обращал внимания) и оставляют хозяина дома на произвол судьбы.

Старшая служанка госпожи Шень шла по длинному коридору в левой части дома Фэн. В руках она держала поднос, накрытый белой тканью. От подноса исходил приятный травяной аромат. Проходя мимо одной из комнат, служанка услышала голоса. Они были напряжёнными и словно немного взволнованными, впрочем, сложно было различить интонации сквозь тяжёлую дверь. Женщина постучалась. В комнате зашептались, зашумели одежды, и кто-то протопал к двери.

— Чу-Чу? — удивлённо спросил телохранитель У. Его дыхание сбилось, словно он долго упражнялся с мечом, а сам он был вспотевшим.

Женщина не смогла отказать себе в том, чтобы окинуть взглядом комнату. Почти все свечи были потушены, кроме одной единственной, что стояла на столе рядом с кроватью, освещая нечитаемое выражение лица телохранителя Бая, завернувшегося в одеяло почти с головой.

— Чу-Чу, Вы что-то хотели?

— Я... Я просто проходила мимо и... Может быть, принести вам чай? Вы, должно быть, устали? — неуверенно спросила женщина.

— Д-да, да, это было бы весьма кстати, — улыбнулся У и посмотрел на поднос в руках служанки, — что это, Чу-Чу? Пахнет приятно.

— Ах, это? Это лечебная мазь для госпожи.

— Как? Она больна?

— У неё проблемы с глазами. С детства. Доктор прописал ей эту мазь.

— О-о, — сочувствующе покачал головой У.

— Я, пожалуй, пойду отнесу мазь в комнату госпожи, а затем сделаю вам чай, — улыбнулась Чу-Чу и отступила назад, собираясь уходить.

— Постойте! У Вас что-то упало, — крикнул мужчина и протянул служанке выпавшее письмо.

Чу-Чу подбежала к помощнику У и нервно засмеялась.

— Ха-ха, эта служанка такая невнимательная и неаккуратная, что едва не потеряла письмо доктора госпоже Шень! Ох, эта служанка, похоже, слишком стара!

— Ну, что Вы, не наговаривайте на себя.

— Господин У, спасибо! Я отнесу мазь и принесу вам чай, не успеете вы и глазом моргнуть!

Чу-Чу поклонилась и поспешила скрыться в темноте коридора, облегчённо стирая пот со лба.

Плеск воды в бочке нарушает тишину спящей природы. Из поместья слышны приглушённые стенами голоса праздных господ. На заднем дворе дома Фэн не бьются друг о друга столовые приборы в скользких, потных руках громогласных мужей, не скрипят ножки столов, заваленных всякой всячиной, не различить отсюда и звука, похожего на хлопок, который издают уважаемые люди, взмахивая длинными рукавами в порыве бушующих эмоций. Огни праздника и веселья потухают в глазах, уступая место умиротворению. Голоса сменяются едва слышным шелестом листьев от слабого ветерка, такого же сонного, как и всё вокруг. Такого же сонного, как и Сяо Ми, вышедшая подышать свежим воздухом.

На длинной, покрытой белилами шее, блестят, раздражая тонкую кожу, капли пота. Девушка закрывает глаза и опускает руку в бочку с холодной водой. Жар постепенно покидает тело, прогоняя прочь пьяную суету и отрезвляя мысли. Сяо Ми оmyвает шею. Белила окрашивают воду и стекают по острым плечам. С подбородка падает капля за каплей, со звоном разбиваясь и образуя круги на беспокойной поверхности.

В бочке отражается луна. Сегодня она полная, яркая до боли в глазах, белая, как лицо госпожи Шень. Звёзды меркнут рядом с ней. Она освещает задний двор и тень, прислонившуюся к дереву.

Сяо Ми смотрит на незнакомого человека со спокойствием, небывалым для неё в подобных ситуациях. Смотрит так, словно знает его всю жизнь и совершенно не удивлена его присутствию на территории своего дома.

Молодой человек смотрит на неё так же, хотя видит впервые в жизни.

Сяо Ми с нечитаемым выражением лица наклоняет голову, и лёгкая усмешка касается пухлых губ. Молодой человек растерянно, словно испугавшись неизвестно чего, выпрямляется и делает пару шагов навстречу Сяо Ми. Между ними широкий двор и невысокая лестница, ведущая на крыльцо. Парень смотрит снизу вверх с неуверенностью и восхищением. Сяо Ми — сверху вниз снисходительно и изучающе.

— Вы заблудились, молодой господин?

Вопрос остаётся без ответа. Парень не отводит взгляда от Сяо Ми. Девушка приподнимает брови и немного улыбается. Слова, наконец, доходят до юноши, но он лишь неоднозначно поводит плечами, сам уже не зная или не помня, как он попал на задний двор поместья Фэн, то ли он что-то искал, и как госпожа Шень предположила, заблудился в большом доме, то ли он вышел подышать свежим воздухом и отдохнуть от громких торжественных тостов, то ли молодое и наивное сердце, жаждущее романтики, привело его в освещённый лунным светом сад.

Молодой человек останавливается у основания лестницы и опускает голову. Он сам не понимает, отчего дрожат его губы. Он сжимает их так сильно, что от них отливает кровь. Зато его скулы наоборот окрашивает румянец. Молодой человек не может сдержать улыбки.

В конце концов, чувствуя, что стоять так неприлично с его стороны, он резко скидывает голову и, смотря прямо в большие глаза Сяо Ми, говорит не своим голосом:

— Здравствуйте, госпожа. Моё имя Синь Юэ. Могу я узнать ваше?

Сяо Ми усмехается, и уже через пару секунд её лицо становится каменно-чопорным.

— Я хозяйка семьи Фэн — Фэн Сяо Ми, — девушка делает шаг, маленький-маленький, почти незаметный, навстречу парню, — но Вы, господин Синь, можете считать меня Шень

Сяо Ми.

Синь Юэ улыбается ещё радостнее, когда госпожа говорит ему своё имя, и ещё удивлённее, когда слышит её тихий голос. Его чёрные прямые брови заинтересованно приподнимаются, как будто он открывает для себя какую-то невероятную тайну, в которую он до сих пор не в силах поверить и которую пока не способен принять.

— Госпожа Шень, могу я попросить Вас говорить и дальше? Вам, наверное, покажется это странным, но я хочу послушать ваш голос. Понимаю, это дерзко с моей стороны. Я бы не попросил о таком никогда, но сейчас я на самом деле испытываю непреодолимую потребность слушать, как Вы говорите. Прошу, пожалуйста.

Парень медленно поднимается по лестнице, с неловкостью, но с ожиданием смотря на Сяо Ми. Девушка на это лишь смеётся и отворачивается, подходит к бочке с водой, опускает руку в приятную прохладу и снова смеётся, оглядываясь назад.

— Говорить, господин Синь? Да мне несложно. Умению болтать на темы важные и пустяковые я обучена с детства. Но с вашего позволения рассуждать о высоком я не буду. Боюсь, для науки и политики я сейчас слишком пьяна. Зато я могу говорить о... о... — Сяо Ми опускает взгляд на бочку и свою руку под водой, которая будто держит светящуюся воду, — о Луне, ха-ха! Хорошая тема — Луна. Она сегодня неплохая, Вы так не думаете? Не дурна собой.

Синь Юэ становится напротив Сяо Ми и смотрит на её руки в бочке с водой.

— Да и Вы не дурны собой, — продолжает Сяо Ми, не поднимая взгляд. — И что Вы делаете здесь? Можете не отвечать, мне не интересно. Когда я спросила, не заблудились ли Вы, это было просто приличие. Мне больше интересно, куда Вы направитесь дальше. Впрочем, — девушка поднимает взгляд на Синь Юэ и внимательно всматривается в его лицо, — думаю, я знаю, куда, хах, боже, эти мужланы меня так напоили! И что я говорю? Как же жарко.

Синь Юэ поражённо улыбается — госпожа Шень в глазах юноши — самое большое открытие в его жизни, самое неожиданное, самое прекрасное. Он вслушивается в её тихий, но всё равно несколько не сдержанный смех, и тоже смеётся.

— Знаете, мой муж не понимает, что такое мера или рамки. Он только и кричит «ещё!», «больше!», «почему так мало?!» слугам. Мне их жаль, они бегают так... быстро-быстро, мечутся туда-сюда, а угодить ему всё-таки не могут. Скажите, господин Синь, как много Вам нужно?

— Немного.

— Мне тоже немного. Я считаю себя довольно неприхотливой. Много — это плохо, это развращает. Моему второму мужу для счастья хватало только того, чтобы я его любила, а мне — чтобы он любил меня. Мы жили душа в душу. Как далеко ушли те времена, — Сяо Ми грустно вздыхает.

— Если бы Вы меня любили, мне бы тоже всего хватило, госпожа Шень.

Синь Юэ говорит так, словно потратил всю жизнь, рассуждая над этой мыслью, и сейчас он совершенно точно знает, что его слова — неоспоримая правда. Девушка ничего на это не отвечает.

— Я опустила руки в воду, потому что мне жарко. Вам не жарко господин Синь? Мне кажется, Вы тоже немного опьянели от духоты.

Синь Юэ закатывает рукава и опускает руки в бочку. Они становятся не видны под отражением луны. В прохладной неизвестности он находит маленькие руки Сяо Ми и

накрывает их своими, в то время как его лицо неловко, но уверенно краснеет. Он сжимает ледяные пальцы под водой и улыбается вопросительно глядящей девушке.

— Я в порядке, госпожа Шень. Но даже если Вам жарко, я должен проследить, чтобы ваши руки не замёрзли. Иначе... люди, которым Вы дороги, могут забеспокоиться о вашем здоровье.

— Людям, которым я дорога, сначала нужно узнать, что я совершила этот акт покушения на своё здоровье, — смеётся Сяо Ми и щекочет ладони Юэ острыми ногтями, — моя мама говорит: «Незнающий спит спокойно, а молчаливый — довольно». Так что если Вы, господин Синь, будете смиренно молчать, то мы обойдёмся без кровопролития, ха-ха!

— Госпожа Шень, ради Вас я готов отрезать себе язык...

— Не стоит, — Сяо Ми опускает взгляд на воду и нарочито заумно добавляет, — ваши руки слишком замёрзли, они плохо Вас слушаются. Если Вы соберётесь отрезать себе язык, Вы можете случайно поранить своё прекрасное лицо, — девушка огорчённо вздыхает, представляя эту картину, — это весьма и весьма опечалит меня.

— Тогда, госпожа Шень, Вам придётся поверить мне на слово, — улыбается парень и наклоняется ближе, — но по-прежнему остаётся ещё одна проблема — я тоже человек, которому Вы небезразличны. Как же Вы убедите меня не беспокоиться?

Сяо Ми с загадочным и спокойным видом гладит руки парня:

— Господин Синь Юэ, я Вас уговорю.

— Я же говорила, что у моего мужа, нынешнего мужа, нет чувства меры. Прошёл всего день со званого вечера в доме Фэн, как он отправился гулять к господину Мэну. Как же всё-таки хорошо, что у него нет чувства меры.

В покоях госпожи Фэн почти крошечная тьма. Лишь в дальнем углу, на низеньком столике, где стоят вкусно пахнущие деревянные сундучки с украшениями, горят две маленькие свечки, и через открытое окно проникает тусклый лунный свет. Луна такая же, как и в момент первой встречи Шень Сяо Ми и Синь Юэ, разве что чуть-чуть пошла на убыль.

Бледная кожа хозяйки комнаты словно сияет в темноте. Белые плечи и ноги чуть-чуть выглядывают из-под покрывал и соприкасаются с таким же оголённым телом парня.

Их длинные, распущенные, чёрные волосы спутались между подушек и теперь щекочут кожу владельцам.

Синь Юэ не может и не хочет подавить улыбку, смотря на завораживающее лицо Сяо Ми. В его мыслях штиль, а в сердце ураган. В жизни ему приходилось совершать необдуманные поступки, спонтанные. На эти поступки, как правило, его толкало порывистое и отчаянное сердце. Он был слишком молод, и огонь внутри него был чересчур опасным и горячим. Синь Юэ умел планировать и делал это хорошо, умел анализировать, действовать по ситуации, исходя из правил, норм и логики. Но то, на что подначивают его чувства, порой на что-то безумное, порой на что-то рискованное и неизвестное, он любит больше всего. Как ни странно, самые спонтанные решения парня зачастую оказываются самыми удачными и важными в его жизни. Это невероятное восхищение и влечение, которое он испытал, впервые увидев молодую хозяйку дома Фэн, потрясло и оживило душу, зачахшую на скучной государственной службе. Вся его сущность потянулась к Шень Сяо Ми, не только потому что было сражено красотой Шень, но и потому что ощутило в ней нечто загадочное, нечто уникальное, нечто, что изменило бы уклад жизни Синь Юэ, и не важно в какую сторону — хорошую ли, плохую ли — важно, что огонь внутри молодого человека, наконец, нашёл бы того, для кого ему стоит гореть и кому стоит себя отдать.

Парень не понимал, что двигало Шень, когда она медленно и осторожно, но шла к нему навстречу. Он сомневался, что госпожа Шень способна влюбиться с первого взгляда. Она слишком... слишком... это явно не в её духе. Может быть, она тоже что-то искала и это что-то нашла в Синь Юэ — открытым и доверчивым.

— Расскажи мне о чём-нибудь из своего прошлого. Скучно так лежать, — шепчет девушка.

Синь Юэ закидывает руку за голову и хмыкает.

— Что, например?

— Что угодно, но только интересное, — Синь Юэ не отводит взгляда от потолка, чем задевает девушку. — Неужели так сложно вспомнить что-то? — на лице Сяо Ми читается наигранная обида. — Когда ты попросил меня говорить, я не мучала тебя молчанием, — задумчивость мелькает на прекрасном лице и через секунду сменяется вопросом, — а зачем ты попросил меня об этом?

Синь Юэ пристально смотрит на госпожу Шень и отвечает:

— Я хотел послушать твой голос.

— Он тебе нравится?

— Он интересен.

— ...

— В детстве я занимался музыкой, — Синь Юэ делает паузу, прислушиваясь к витающему в воздухе удивлению и непониманию, — я далеко не всегда был помощником младшего чиновника, если ты об этом, — со смехом отвечает парень на не заданный, но явно напрашивающийся вопрос. — Когда-то, когда я был помладше и когда уважение к словам отца пересиливало желание куда-нибудь влезть, я был примерным молодым музыкантом при Его Императорском Величестве. Долго объяснять, почему я захотел отдалиться от дворца и занять такую низкую должность, когда мог бы получать жалование в разы больше настоящего, но если вкратце — мне было скучно, — Синь Юэ бросает на Сяо Ми виноватый взгляд, какой бывает у человека, который извиняется за свою врождённую глупость, но ни о чём не жалеет. — Знаешь, на самом деле «скучно» — это слово, которым я объясняю всё самое безумное, что я делал в жизни. Так вот в «скучные годы» я занимался игрой на музыкальных инструментах: жуань, пипа, цинь, сяо, дицзы. Как только мне надоедало играть на одном, я начинал изучать владение новым. Иногда я пел, обычно на торжественных церемониях вместе с ещё примерно десятком других певцов. Многие из них были мастерами своего дела. Они были способны брать самые разные ноты, разной высоты, владели искусством изменения голоса, горлового пения и пения в нос — мне такое давалось с трудом, если честно, и моё горло часто болело после таких церемоний. По возможности я отсиживался за инструментом, при самом удачном раскладе событий я бренчал на цине или дудел в дицзы, никто меня не трогал, и все были счастливы. Но привычка вслушиваться в голоса людей у меня осталась до сих пор, что меня несколько не тяготит, наоборот, о человеке можно сказать многое по голосу. Я слышал много. Твой голос довольно уникален, я редко слышал, чтобы люди говорили так, как ты, поэтому... мне захотелось послушать подольше... чтобы узнать тебя...

Синь Юэ обнимает крепко, собирая пальцами одежду, и шумно дышит. Сяо Ми одной рукой расплетает чужие волосы, другой — растирает бок, которым парень ударился о раму, когда преступно поздно преступно лез в окно в преступно который раз замужней девушки. В голове молодого господина ни одной связанной мысли.

— Закрой окно.

— Здесь никто не ходит.

— Закрой. Солнце ещё не зашло.

Рука грубо захлопывает окно и ложится на тонкую белую шею, притягивая ближе. Синь Юэ тянет за завязки красного платья, не думая ни о чём. Сяо Ми что-то непонятно шепчет и гладит чужие скулы. Лишь несколько мгновений спустя молодой человек ощущает, что девушка пытается его ненавязчиво оттолкнуть. Она упирается руками в ходящую ходуном грудь и с закрытыми в блаженстве глазами повторяет:

— Постой, подожди, постой, не так быстро, подожди немного...

Синь Юэ опускает руки на узкие плечи и наклоняется прямо к лицу, почти касаясь кончиком своего носа носа Шень Сяо Ми.

— Открой глаза. Посмотри на меня.

— Подожди, постой, я...

— Шень Сяо Ми. Ми-Ми!

— ... я... я... подожди...

— Ми-Ми, открой глаза.

Синь Юэ внимательно вглядывается в большие блестящие глаза, замечает каждую неровно, но очаровательно лежащую ресничку, недоверчиво изогнутые брови, движения кожи, потому что девушка от волнения кусает губу изнутри.

— Ми-Ми, я знаю, знаю. Всё хорошо.

Шень ждёт, ждёт, когда парень убедит её.

— Я с первого взгляда узнал тебя, с первого слова, Ми-Ми. Всё хорошо...

Синь Юэ вытягивает руки в стороны, как бы обозначая, что находится во власти решения Сяо Ми и что сам он ей полностью доверяет. Темноту комнаты нарушает лишь шумное дыхание парня, пытающегося услышать, о чём думает хозяйка дома Фэн. Сяо Ми не слышно, словно никакой девушки здесь и нет вовсе.

Наконец, невзирая на неизвестность, губы Шень безошибочно находят губы Синь.

— Приоткрой окно...

Юэ тихо тянет на себя рамы, пропуская в комнату последние лучи заходящего солнца, падающие на его «Совершенство». Он обнимает Сяо Ми и думает о том, как можно назвать свои чувства.

Тепло Сяо Ми — это то «немного», которое нужно ему для того, чтобы быть счастливым. Но можно ли описать Сяо Ми как «немного»? Синь Юэ не знает, он не считал, сколько нужно среднестатистическому человеку для среднестатистического счастья. Молодой человек подозревает, что та, кто сейчас у него в руках, не имеет цены.

Юэ мог бы сказать, что для счастья ему было бы достаточно любви, но это было бы ложью. Любви ему недостаточно. Но, по всей видимости, Сяо Ми — это не любовь всей его жизни. И хорошо, потому что в отличие от любви с Сяо Ми ему больше ничего не нужно.

Лепестки нежно-розового цвета кружились над домом семьи Шень. Сакура только-только отцвела и теперь готовилась нарядиться в ярко-зелёные листочки.

Майские лучи кротко ласкали маленькое лицо совсем ещё юной Шень Сяо Ми. Девочке недавно исполнилось девять. Она родилась в грозу, и та приходила к маленькой красавице каждый год в день её праздника. Но это была не та гроза, которая пугает детей и даже некоторых взрослых темнотой неба и страшным грохотом, непредсказуемыми вспышками молний и ледяным ветром. Это была светлая майская гроза с тёплым дождём и солнечными лучами, отражающимися в только что появившихся лужах. В такую грозу, наоборот, хочется выбежать из дома и как следует порезвиться. Маленькие дети слуг так и делали: выбегали вопреки крикам взрослых из-под деревянного навеса и ловили языками тёплые капли, пытаясь поминутно толкнуть друг друга в лужу.

Сяо Ми пристально смотрела на них из окна. Чумазые и мокрые дети с ужа-а-асными манерами бегали перед ней. Девочка стояла с прямой как палка спиной, с накрашенным лицом и с зонтом, который она держала под идеальным углом. Она не выражала ни презрения, ни зависти, ни радости, ни грусти. Она просто смотрела на детей, которые были беднее, чем она, и свободнее, чем она. Да, в девять лет, оказывается, можно понять что-то, о чём некоторые люди не подозревают до самой смерти, а то и дольше.

...Лепестки всё продолжали кружиться, поднимаемые лёгким ветром. Они накрыли весь двор и крышу поместья Шень. Красивая взрослая женщина с маленькой родинкой под губой поправляла сложную причёску своей одиннадцатилетней дочери.

— Ми-Ми, моё солнышко, моя радость, — приговаривала женщина, проводя рукой по волосам.

Девочка молчала, как и всегда. Она смотрела на мать внимательно и ловила зорким взглядом каждое движение, стараясь запомнить, чтобы потом столь же грациозно повторять его ещё и ещё у себя в комнате, а после показаться перед гостями с новым навыком очарования.

— Какие красивые глазки! Какой милый носик! — женщина слишком сильно надавила на покрытое белилами лицо дочери, и указательный палец случайно стёр слой косметики на переносице.

— Ой... Прости...

Шень Сяо Ми закрыла нос руками и, бросив на мать недовольный и рассерженный взгляд, убежала поправлять макияж.

...Тётушка Лу-Лу добра и снисходительна. А ещё красива как мама Шень Сяо Ми. Тётушка Лу-Лу родила отцу Шень Сяо Ми двух дочерей. У своей матери Сяо Ми единственная. Всего у господина Шеня двадцать три дочери.

И ни одного сына.

Шень Сяо Ми тринадцать, и она не понимает, почему её отец не хочет мальчика. Нужно ведь просто захотеть, так ведь?

Когда одна из тётушек беременеет, отец становится тревожным... И немного злым... Немного злее, чем обычно...

Господин Шень был человеком сложным. Эта сложность выражалась, в первую очередь, в частой смене настроения и непредсказуемости поступков.

Наложницы господина Шеня, среди которых была и мама Сяо Ми, и её близкая подруга Лу-Лу, старались не выходить из женской части дома лишней раз, по крайней мере, поодиночке. Собираясь на прогулку по саду, они спрашивали у слуг, как и чем сегодня позавтракал господин Шень, как поспал, какие указания отдавал, какими словами и каким тоном он эти указания отдавал, и главное — во что он пожелал нарядиться. Лишь разведав все подробности, они решали — идти на прогулку или нет.

Когда у господина Шеня было настроение заняться делами, выходить из дома не стоило, иначе это собьёт боевой настрой хозяина. Можно было тихонько походить по дому или выйти на веранду, но не больше двух-трёх человек за раз.

Когда у господина Шеня было настроение повеселиться, а оно всегда начиналось с сытного мясного завтрака и ярко вычурного наряда, запрещалось не быть рядом с хозяином категорически. Если господин Шень хочет праздника, на празднике должны быть все: наложницы, дочери, младенцы. Разрешалось отсутствовать только роженицам, причём уважительным отсутствие могло быть лишь с момента, когда акушерка увидит голову ребёнка, и до того момента, когда ребёнок полностью будет не в теле матери. Во время схваток же и сразу после родов, по мнению господина Шеня, женщина была обязана быть рядом с ним, свежа, здорова и красива — как и полагается настоящей женщине.

Когда у господина Шеня было печальное настроение, какая-нибудь наложница должна была прийти к нему и утешить несчастного хозяина. Кто пойдёт, господину Шеню было без разницы. Да и к тому же, это должно было выглядеть так, будто женщина "влюблённым сердцем почувствовала, что с самым важным для неё человеком приключилась беда, и она так быстро, как могла, прибежала на помощь к нему". Угадав в солёной рыбе и голубом халате с птицами печаль хозяина, наложницы решали, чья же очередь идти и спасти господина.

Когда у господина Шеня было дурное настроение, он пил лишь чуть тёплый чай с утра, а в доме наступала гробовая тишина. Весь день слуги были заняты какими-нибудь делами вне дома, чтобы только не попадаться на глаза господину, а наложницы притворялись больными и спящими. Каждая накрывалась одеялом чуть ли не с головой и лежала неподвижно, боясь пошевелиться. Дети в эти дни были рядом с матерями и вместе с ними притворялись спящими. Ни о каких играх или прогулке и речи не шло. В такие дни мама Сяо Ми прижимала дочь к себе и гладила по голове, успокаивая. Но успокаивала она не Сяо Ми, а себя, ведь девочка и так не была напугана, да и вряд ли ей угрожало нечто действительно серьёзное. В случае чего мать её защитит. Мама Сяо Ми просто не хотела... чтобы господин Шень пришёл к ней сегодня, не хотела, чтобы пришёл хоть к кому-то, но, пожалуйста, пожалуйста, к ней в последнюю очередь.

...С неба льётся тёплый дождь. Первая майская гроза. У Сяо Ми день рождения.

А у господина Шеня дурное настроение. С утра он выпил лишь чашку чуть тёплого чая.

Наложницы господина Шеня и сёстры Сяо Ми в женской части дома. Слуги уже доложили им, с какой ноги встал хозяин, и теперь все старательно притворяются

больными и немощными. Все, кроме Сяо Ми и её матери. Они стоят на веранде и, как и всегда в майскую грозу, любуются каплями, падающими с неба и рассеивающими через себя солнечный свет. Даже тучи словно сияют.

Сяо Ми исполнилось пятнадцать лет.

Совсем недавно сам Император заговорил с ней на празднике во дворце, куда была приглашена и семья такого знатного и уважаемого чиновника, как господин Шень. Сам Император добро позавидовал отцу девушки, отметив: "Дети берут лучшее от родителей. Возможно, господин Шень, Вы не её отец". Мама Сяо Ми нервно глянула на господина Шеня, не без причин полагая что он может оскорбиться, но "недоотец" завтракал бараном, а потому лишь посмеялся вместе с Императором.

Сяо Ми с матерью покинули свои комнаты задолго до пробуждения господина Шеня. Они поднялись до рассвета, когда Сяо Ми услышала, как капли дождя разбиваются о крышу. Мама и тётушка Лу-Лу, которая всегда старалась первой поздравить Сяо Ми, помогли имениннице накраситься и сделать причёску. Сяо Ми всегда обожала этот процесс. Ей нравился запах косметики, мягкость кисточек, с помощью которых тётушка Лу-Лу выравнивала тон её кожи, ей нравились ощущения того, как мама заботливо перебирает её волосы, распутывает собравшиеся ночью маленькие узлы, как натягивается кожа головы, когда локоны переплетаются в нечто изысканное и прекрасное.

Тётушка Лу-Лу не пошла на веранду, так как ночью долго не могла заснуть, но она попросила прийти за ней часа через два-три.

— Мама.

— Что, милая?

— Как ты думаешь тётушка ещё спит?

— Даже если и спит, прошло уже больше двух часов. Она пропустит утреннюю грозу.

— Тогда я схожу за ней, — Сяо Ми отдала матери свой зонт, которым прикрывала платье от отскакивающих на него капель, и зашла в дом.

Господин Шень бродил по коридору, словно голодный волк. С самого утра по непонятной причине он был раздражён и зол. Он накричал на слугу просто так, потому что хотелось, и кинул в него чайник с кипятком просто так, потому что мог. Он ощущал, как щекочущее, жаркое чувство въедается в его грудь. Господин Шень знал, что, чтобы оно, наконец, исчезло, ему нужно сделать что-то, что...

Сяо Ми, которую он встретил на своём пути, господин Шень сначала даже не заметил. А вот она его увидела сразу и по знакомой шатающейся походке сразу всё поняла. Мужчина поднял взгляд вверх и сразу же заметил дочь, которая замерла в нескольких шагах от него. Она прижалась к стене в надежде, что отец пройдёт мимо и не обратит на неё внимание.

С минуту они смотрели друг на друга, будто бы изучая. Девушка следила за тем, как ведёт себя отец. А господин Шень, господин Шень вдруг перевёл взгляд с настороженных глаз Сяо Ми на пухлые губы... нежную шею... проглядывающиеся из-под платья ключицы... тонкую, немного детскую талию...

Девушка словно что-то почувствовала и прикрылась руками, а господин Шень, не отводя глаз от скрытых под юбками бёдер, сделал шаг навстречу дочери...

Солнце находилось в зените, когда Гон Пин вышел на охоту.

— Вы действительно называете это охотой, господин? — да, А-Сянь не знал такта.

Рассерженный такими неприятными словами Гон Пин скосил глаза на наглого ученика:

— А что ты хочешь? Чтобы я назвал это «маяние бездельем»?

— Это было бы честнее, — пожал плечами А-Сянь.

Так как следствие временно зашло в тупик, Гон Пину ничего не оставалось, кроме как на ближайший период обеспечить максимальную безопасность четвертому мужу Шень Сяо Ми. Муж, к слову, невероятно огорчал слугу императора своей беспечностью и несерьёзностью ("безмозглостью" — так и вертелось на языке у Гон Пина), потому что тому явно не сиделось на месте. Инструкции Гон Пина по поводу индивидуальной безопасности были весьма ясными и понятными. Но не для господина Фэна.

— Сиди дома, — снова завёл свою шарманку Гон Пин.

— Да-да, — махнул рукой господин Фэн.

— Ни к кому и никуда не ходи, — наседал сыщик на старого друга.

— Да-да-да, — закатывал глаза беспечный муж и всё продолжал, продолжал отмахиваться от мужчины как от назойливой мухи.

— Не прогоняй У и Бая. Я их тебе в телохранители дал, чтобы они тебя... охраняли! — безуспешно увещевал Гон Пин.

— Конечно-конечно. Я это знаю, — кивал господин Фэн, смотря на друга глазами ребёнка, как бы обещающего: «Я больше не буду».

А вот у Гон Пина была иная информация.

За последние две недели господин Фэн ночевал у себя дома всего один раз. А вот У и Бая он гнал прочь страшными выражениями уж точно больше одного раза. Разумеется, молодые люди не имели права бросать господина Фэна на произвол судьбы и на произвол убийцы, который мог выскочить из какого-нибудь непримечательного куста в любой момент. Однако и находиться рядом с чиновником они тоже не могли. Это действительно затруднительно делать, когда вас, громко браня, пытается толкнуть пьяный и, как оказывается, свободолюбивый господин.

У и Баю только и оставалось, что следить за подопечным из укрытий, чтобы зоркий глаз чиновника ни в коем случае не наткнулся на двух молодых людей.

Гон Пин при мыслях о господине Фэне рефлекторно принимался массировать область висков. Господин Фэн будто решил, что расследование проходит чересчур легко, и если перед свадьбой он умолял друга защитить его, то сейчас, по крайней мере, на взгляд Гон Пина, он чуть ли не бежит по улице с криками: «Эй, убийца бывших мужей моей жены! Вот он я — ещё живой четвертый муж! Исправь это недоразумение!»

Госпожа Фэн, как докладывали У и Бай, наоборот редко покидала дом. Она предпочитала тишину шумным праздникам, и компанию служанки Чу-Чу или Бая и У — богатым чиновникам. Из этого Гон Пин делал вывод, что Сяо Ми любила интеллектуальные беседы больше, чем господин Фэн.

Девушка в принципе редко общалась с незнакомыми или малознакомыми людьми. С Гон Пином они виделись нечасто. Он приходил к ней, чтобы обсудить успехи расследования и выпить чай. Эта спокойная недолгая беседа, которая в конце всегда сводилась к

обсуждению погоды, доставляла Гон Пину особое удовольствие: с умным человеком говорить приятно, и впервые мужчина имел в виду не своё отражение.

С помощниками У и Баем госпожа Фэн разговаривала в основном о муже. Поскольку видела она его лишь изредка, то была мало осведомлена о его делах. Как примерная жена она чувствовала себя обязанной интересоваться здоровьем и настроением господина Фэна, а кто мог рассказать ей о её муже больше, чем неусыпно следящие за ним телохранители?

Наложницы дома Фэн после «незабываемого» знакомства Чень Юй и Сяо Ми не вылезали на поверхность, однако молодая хозяйка чувствовала, что затихли они не надолго.

С Чу-Чу у девушки были особые взаимоотношения. Сяо Ми всецело доверяла старой служанке. Если Гон Пин всё правильно понимал, то Чу-Чу была служанкой ещё в доме Шень. Возможно, что она даже была няней Сяо Ми и знала её ребёнком. Их отношения во многом напоминали отношения матери и дочери. Гон Пин замечал, что господин Фэн часто позволял себе оскорбления и ругательства в адрес служанки, чем, как догадывался следователь, задевал Ся Ми, выставляя себя не в лучшем свете в глазах жены.

— Господин, — прервал затянувшееся неловкое молчание А-Сянь.

— Ну, что на этот раз? — устало спросил Гон Пин, вырванный из своих мыслей помощником.

Видимо, молчание казалось зятянувшимся и неловким только А-Сяню.

— А долго мы будем ходить вокруг дома господина Фэна? — по голосу парня можно было понять, что этот вопрос его мучал уже долго.

Гон Пин огляделся и только сейчас заметил, что они с А-Сянем находятся позади дома Фэн, хотя дорога, по которой они шли, должна была привести их к главному входу в поместье.

— Вы задумались, господин, похоже, слишком сильно. Мы с Вами подошли к главным воротам, а Вы будто по инерции продолжили идти дальше. Мы уже пятый круг вокруг поместья мотаем. Может, хотя бы во двор зайдём? Я поболтаю с Баем и У, а Вы будете и дальше, погружившись в свои мысли, ходить, только уже вокруг вишни?

Во дворе Гон Пина и А-Сяня встретили два молодых телохранителя господина Фэна и отчитались, что подопечный их доставлен в свою комнату, затащен на кровать и спит сладким сном младенца под присмотром своего первого помощника.

— Господин, — обратился к начальнику У и хитро сощурил глаза, — могу я поинтересоваться, что Вы делаете в такой час здесь? Видите ли, нам поручено охранять эту территорию, а Вы, простите, выглядите подозрительно, шатаетесь вокруг чужого дома, что-то выискиваете. Вы случайно не убийца? — ухмыльнулся У и увернулся от подзатыльника Гон Пина.

— Что я делаю тут в какой час? Днём? Получше ничего не мог придумать?! Бесстыдники, так-то вы относитесь к поручению своего господина? И это вы называете «со всей серьёзностью»?

— Господин, Вы только меня сюда не приписывайте. Я всегда отношусь к вашим поручениям со всей серьёзностью, — немного обидчиво заметил Бай, который всегда принимал слова других людей слишком близко к сердцу. — Разве было хоть раз так, что я не выполнил задание или подвёл Вас? Я всегда в точности следую вашим указаниям и честно несу службу.

— Я обожаю в тебе это, — едва слышно сказал У напарнику и, продолжая пребывать в игривом настроении, весело подмигнул тому.

Бай на это застенчиво улыбнулся.

Гон Пин изменился в лице и щёлкнул пальцами перед двумя помощниками, губы которых незаметно стали чуть-чуть ближе друг к другу.

— Так! Так! Прекратить! Ваш господин всё ещё здесь! Он стоит прямо перед вами. Вы хоть помните об этом?

— С господином Фэном мы разобрались. А что насчёт госпожи Фэн? — обратился на себя внимание присутствующих А-Сянь, пусть эта ситуация и забавляла его.

— Она у себя в комнате. Кажется, к ней кто-то приходил.

— И кто же?

— Мы не знаем. Мы спрашивали слуг, но, похоже, они никого не видели.

— Погодите, а с чего в таком случае вы взяли, что к госпоже Фэн кто-то приходил? — не понял Гон Пин.

— Господин, Вы ведь сами нас учили обращать внимание на детали, — фыркнул У, — на мелкие, не заметные простым людям знаки, говорящие о том, что происходит нечто странное, нечто подозрительное, нечто...

— Мы видели, как через задний двор вышел человек, когда тащили господина Фэна.

Помощник У исподлобья посмотрел на напарника и вздохнул:

— Ненавижу в тебе это.

— Как выглядел этот человек? — спросил Гон Пин и махнул рукой. А-Сянь достал старую, побитую жизнью записную книжку и приготовился конспектировать.

— Ммм... Это было вечером, довольно поздно...

— И мы не уверены...

— Кажется, это был мужчина...

— Но это не точно...

— Весьма вероятно, он был высоким...

— Но это не точно...

— Он был одет не как слуга...

— Но это не точно...

— Что же ещё мы заметили? — Бай и У посмотрели друг на друга, пытаясь вспомнить хоть сколько-нибудь значимые детали.

— Кажется, после того, как он ушёл, окно комнаты госпожи Фэн захлопнулось.

— Значит, он покинул дом через окно?

Бай и У снова переглянулись и уверенно закивали.

— Да-да, он точно уходил через окно.

— Да-да, точно через окно.

— Но это не точно...

А-Сянь поднял голову и с сомнением глянул на господина. Он не понимал, имело ли смысл записывать хоть что-то из услышанного.

Гон Пин устало потёр лоб:

— Почему я плачу вам деньги?

— А вы нам их и не платите. Нам платит их заведующий казной.

— Цыц! Значит, так. Наблюдайте за комнатой госпожи Фэн круглосуточно.

— Но, господин, мы ведь охраняем господина Фэна! Как мы будем одновременно с этим следить за комнатой госпожи, если господин Фэн почти не бывает дома?

— Ох, я даже не знаю, — наигранно озадачился мужчина, — может быть, вы

разделитесь?

Парни поражённо распахнули рты. Перепуганный А-Сянь схватился за сердце:

— Господин, что Вы такое говорите?! Как это «разделитесь»? Они же в комплекте идут!

Они поодиночке не ходят!

— Значит, следить за комнатой Шень Сяо Ми будешь ты, А-Сянь! — Гон Пин махнул рукой на нерадивых помощников и отправился в чайную запивать своё испорченное настроение.

— Господин Се, с моей дочерью всё будет хорошо? — мама Сяо Ми сидела на краю кровати и осторожно гладила по голове трёхлетнюю девочку. Малышка лежала поверх покрывал в одной только тонкой сорочке, а её влажноватые спутавшиеся волосы разметались по подушкам. Она тяжело дышала, а сердце под хрупкими рёбрами билось быстро-быстро, словно у какой-нибудь миниатюрной птички. Когда доктор прикладывал ухо к груди Сяо Ми, мама девочки боялась, что под тяжёлой головой мужчины маленькие детские косточки просто проломаются с омерзительнейшим хрустом. Она знала, что должна сидеть тихо, ведь от того, насколько хорошо пройдёт осмотр, зависела правильность постановки диагноза, однако её нервы были натянуты до предела столь долгое время, что от каждого, как ей казалось, неосторожного действия доктора ей хотелось взвизгнуть.

Доктор Се Ци приложил два пальца к запястью ребёнка и снова проверил пульс. Доктор помолчал некоторое время. Наконец, он отстранился и размял руки. Лицо мужчины было хмурым и озадаченным.

Мама Шень Сяо Ми тихо повторила свой вопрос:

— Господин Се, с моей дочерью всё будет хорошо? — женщина поджала губы и жалобно пискнула. — Так ведь?

Доктор внимательно посмотрел сначала на мать, а затем на её ребёнка. Глядя в полные тревоги глаза, он заговорил:

— Госпожа Шень, должен признаться, я не знаю, чем вызвана болезнь. Я слышал ранее о людях, у которых была высокая температура, сбитый пульс, сильная головная боль и, — доктор повернулся к девочке, вздохнул и поправил повязку, пропитанную целебной мазью, — и кровь из глаз. В большинстве случаев подобное кровотечение бывает лишь у военных или слуг, которые повредили глаза каким-то орудием, предметом, например, мечом, осколками или специальными инструментами. При таких повреждениях рана очевидна, и кровотечение останавливается после того, как рана немного затянется, или, кхм, в случае смерти оно тоже останавливается. Но... У вашего ребёнка я никаких повреждений не вижу. В районе глаз нет никаких ран, даже царапин. Я предположил, что, быть может, кровотечение началось из-за удара головы, однако выпуклости или трещины не прощупываются. Я также не думаю, что кровотечение вызвано умственным перенапряжением или стрессом. В конце концов, ребёнку всего три года, ещё рановато... тем более, насколько я могу судить, он всегда окружён заботой. Так что... — доктор развёл руками.

— Так что Вы не можете ответить мне, что будет дальше?

— К сожалению, госпожа Шень, не могу.

Плечи женщины некрасиво поджались, и спина согнулась словно под тяжестью камней.

Се Ци виновато поджал тонкие губы. Что он мог сказать, чтобы поддержать эту бедную женщину? «Не переживайте?» Да-да, конечно же, стоит ему произнести это вслух, и мать тут же перестанет переживать за жизнь своего трёхлетнего ребёнка, своего единственного и горячо любимого ребёнка. «Всё обойдётся. Болезнь отступит». Се Ци не имел права говорить подобное. Что он за врач, если раздаёт обещания направо и

налево, не зная болезни? Что он за врач, если он раздаёт обещания направо и налево?

Доктор на несколько секунд закрыл глаза и повертел головой из стороны в сторону, прогоня сонливость. Впереди была тяжёлая ночь. Нужно было работать, а повязки сами себя не сменяют.

Всё обошлось.

Спустя двое суток Шень Сяо Ми очнулась. Лихорадка сошла на нет, кровь остановилась. Девочка была очень бледной и жаловалась на головную боль. Доктор Се пробыл в доме Шень, пока симптомы не пропали окончательно. Перед уходом он оставил очень подробные инструкции, что делать, если подобное повторится: покой, свежий воздух, пить больше горячей воды и ждать, когда он придет.

Госпожа Шень провожала доктора Се с неохотой и долго держала его за руку, надеясь, что тот передумает уезжать, по её мнению, так рано. Болезнь настолько же быстро охватила малышку, насколько отступила, но материнское сердце болело все эти дни и болит до сих пор. Кто мог ей пообещать, что подобное не повторится?

Из глаз Шень Сяо Ми вновь потекла кровь через семь месяцев. На этот раз не было лихорадки. Была сильная головная боль. И слёзы мамы Сяо Ми и тётушки Лу-Лу. А ещё хмурый взгляд доктора Се, который поспешил в дом Шень по первому зову.

Малышка сидела понурая. Глаза снова были скрыты под плотной повязкой, которая источала, не сказать, что неприятный запах, но очень сильный, раздражающе резкий. Шень Сяо Ми морщила нос и сплетала напряжённые маленькие пальчики в замок, переживая накатывающиеся одна за другой волны боли с достоинством.

Травы в руках доктора Се были суховаты и почти не пахли. Глазная повязка уже пропиталась смесью крови, мази и некоторого количества слёз, которые выделялись из-за постоянного раздражения роговицы. Ткань пора было менять. Се Ци мелко порезал ножом стебли и листья целебных трав и принялся ступкой толочь их в небольшой глиняной мисочке.

От образовавшейся зелёной кашицы исходил сильный запах. Доктор развязал узел на затылке Сяо Ми и аккуратно отстранил повязку от лица.

— Не открывай глаза.

Тряпочкой, смоченной в кипячёной воде, он осторожно промыл маленькое бледное лицо. Затем протёр сухой тряпкой и, наконец, нанёс ещё совсем свежую мазь.

Лу-Лу подала доктору сложенную пропаренную повязку, и Се Ци накрыл веки Сяо Ми тёплой тканью, после чего ласково погладил уставшую девочку по волосам.

Боль в глазах и кровотечение стали вечными спутниками Шень Сяо Ми. Они возвращались то аж через полгода, то меньше, чем через месяц. Доктор Се отмечал, что стресс и перенапряжение зачастую оказываются причинами ухудшения состояния Сяо Ми, поэтому ей стоит всячески избегать неприятных и травмирующих ситуаций. Он связывал болезнь со слабостью сосудов, но не мог сказать ничего наверняка. Иногда симптомы появлялись и тогда, когда, казалось бы, Сяо Ми чувствовала себя прекрасно и ничего не

предвещало беды.

— Странная болезнь, странная, — отстранённо качал головой Се Ци, когда мама Шень ловкими женскими руками пыталась вытряхнуть из него объяснения.

После неприятного столкновения с отцом в коридоре Шень Сяо Ми закрылась в своей комнате. Она понимала, что разбитое колено и пощёчина возмущённому хозяину дома, в котором она жила, и фактическому хозяину её жизни не забудутся спустя день и эта выходка обернётся для неё и, возможно, для её матери чем-то опасным или болезненным.

Девушка поджала губы и плотно сомкнула веки, пытаясь сдержать ненужные слёзы слабости и отчаяния, как вдруг волна страшной боли прошла от затылка по вискам, по лбу и достигла глаз. Неприятный холодок пробежал по позвоночнику, плечи поджались. Сяо Ми шумно вдохнула и схватилась руками за голову как раз тогда, когда в комнату вошла её мама.

— Милая, что с тобой?! — женщина упала на колени перед дочерью и попыталась заглянуть той в глаза. Из-под сомкнутых век выступили капельки светлой крови. На платье проявились пятна.

— Подожди, родная. Я сейчас отправлю кого-нибудь из слуг за доктором Се и вернусь! Я быстро! Потерпи немного, я скоро вернусь! — обеспокоенная мать скрылась за дверью.

В небе гремит гром. Долгожданный майский дождь почему-то не тёплый, а, наоборот, какой-то холодный. Да и солнечные лучи почти не просачиваются сквозь тучи. Обидно...

Шень Сяо Ми семнадцать. И она выходит замуж.

Господин Ше богат и уважаем.

Сяо Ми вежливо улыбается жениху и очаровывает его в один миг. Непроизвольно. Она даже не думала об этом.

Девушка понимающе кивает, когда ей говорят, что взять с собой она может только одного слугу. Много людей и прочего шума господину Ше в доме не нужно. Сяо Ми нежно приобнимает Чу-Чу.

На словах мужа о сожалении о скоропостижной смерти господина Шеня невеста смиренно опускает голову и благодарит.

«Как же всё-таки господин Ше похож на змею...»

Из дальнего уголка сада донёлся странный звук. Помощники Бай и У, которым было приказано незаметно наблюдать за домом Фэн, переглянулись и, крадучась, подбежали к заросшим кустам, из-за которых принялись старательно оценивать обстановку.

— Милый Бай, мне кажется, там кто-то ходит... — выдал помощник У свою версию спустя минуту гробовой тишины.

Странный звук вновь разнёсся по округе.

— ...

— Ты прав. По звуку похоже на неожиданные судороги старого трёхногого осла. Но как бы он попал в сад? Забор слишком высокий.

— ...

— Вот и я о том же! Вдруг это человек?

Старый трёхногий осёл какое-то время продолжал издавать странные тихие звуки, будто спотыкался и одновременно с этим не то ударялся, не то неловко тёрся обо что-то деревянное, пока в один момент не смог сдержаться и фыркнул: «Чтоб тебя!»

— ... — приподнялся на ноги Бай, продолжая всматриваться в глубину сада, и дотронулся до плеча друга.

— Что? Вяжем его?

— Да, — едва слышно ответил Бай. Осёл вновь гневно чертыхнулся. — Сейчас!

Мужчины эффектно выскочили из кустов и со всех ног (с, разумеется, намертво прицепившимися к ним колючками) помчались к источнику шума.

Старый трёхногий осёл, оказавшийся, правда, молодым, двуногим и человеком (по крайней мере, внешне, а не ментально), глядел на товарищей с искренним изумлением и едва заметной болью в глазах.

Молодой человек, по всей видимости, пытался перелезть через забор, но застрял в жутко неудобной позе. Он собирался втихаря выбраться из сада, а поскольку через ворота он выйти не мог, так как там стояли охранники, молодой человек выбрал ту часть забора, которую, на его взгляд, было преодолеть проще всего. Парень уже перекинул одну ногу через ограждение, когда подол его почему-то распахнутых верхних одежд зацепился за кривую шероховатую ветку. Одежда и рукава тут же натянулись, а перекинутая нога неловко соскользнула ниже и застряла. Молодой человек не мог податься ни вперёд, ни назад и поэтому раздражённо пыхтел и ругался себе под нос.

— Молодой господин, — обратился помощник У к по-прежнему висящему между деревом и забором парню, — могу я узнать, какую цель вы преследовали в этом саду?

— Никакую. У меня нет целей. Я живу одним днём и всё делаю, вдохновлённый прекрасным моментом, — пафосно ответил парень, слыша, как ткань его одеяний медленно и с треском рвётся.

— Понятно, — кивнул У, — В таком случае я задам вопрос по-другому. На что же вас вдохновил прекрасный момент, что вы залезли в чужой сад?

— Я возжелал подышать свежим воздухом и насладиться дивными звуками ночного леса.

Помощник У наклонился к напарнику и тихо спросил:

— Нам так и писать в отчёте господину Гон Пину? «Прекрасный момент», «свежий

воздух», «дивные звуки ночного леса»?

Бай пожал плечами.

В один момент треск ткани прекратился, а молодой человек с громким «Ой!» ударился спиной о забор и остался висеть вниз головой.

— Неужели вы не нашли более подходящего места, чтобы отдаваться своим желаниям, молодой господин?

— А неужели вы не нашли более подходящего времени, чтобы допрашивать меня? Молодой гос-по-дин? Кажется, я вывихнул ногу.

— ... — Бай многозначительно повёл бровью и направился к висящему парню.

— Ты прав. Пусть господин Гон Пин сам разбирается с этим... благородным полуночным поэтом. Вытащим его, осмотрим ногу и под пристальный надзор любознательного А-Сяня, — кивнул себе У и нехотя пошёл помогать напарнику.

Оказавшись привязанным к стулу в незнакомой комнате, молодой человек позволил себе сонно зевнуть. Была середина ночи. За спиной парня стояли, как он уже успел узнать, телохранители господина Фэна — Бай и У. Все вместе они кого-то ждали.

— «Наверное, — устало думал новоявленный преступник, — допрашивать будут, — вслед за молодым человеком зевнули и его охранники. У самого парня уже глаза слипались, — а может, даже и пытаться... — на стол перед ним упала стопка каких-то бумаг и тяжёлая чернильница, — чернильницей бить будут, — после чего на стол с лёгким стуком опустилась дорогая каллиграфическая кисть, — о небеса...»

— Хмм... — человек, севший напротив, с подозрением осматривал связанного парня. — Тц-тц-тц, какая... странная и, без сомнения, уж точно совершившая что-то плохое личность!

Помощник У закатил глаза и сложил руки на груди:

— А-Сянь, где господин?

— Чщ-щ-щ... У, ты мешаешь мне проводить осмотр.

— Ты просто смотришь на него.

— Вот именно. Провожу осмотр. Господин допивает свой чай. Он должен допить свой чай. Он не может оставить чай недопитым, Поэтому он приказал мне, пока он занят, провести осмотр нашего подозреваемого. А что с его ногой?

— А в чём меня подозревают?

— Он вывихнул ногу, пока перелез через ограждение. Мы оказали первую помощь. Жить будет.

А-Сянь кивнул и сделал заметку в своей записной книжке, не решившись писать что-то в бумагах господина.

— Вас подозревают в том, что... Ну, в чём именно Вас подозревают — мы решим позже. Но допрашивать мы Вас будем сейчас, — А-Сянь бросил взгляд в сторону двери и выпрямился, — господин! Я его осмотрел! Всё хорошо, он похож на преступника.

Гон Пин махнул первому помощнику, и тот уступил своё место.

— Что ж, — отодвигая стул, начал Гон Пин, — как Вас зовут? — мужчина положил руки на стол, поднял взгляд на сидевшего перед ним человека и замер. Парень тоже был в замешательстве. Они удивлённо придвинулись друг к другу и внимательнее всмотрелись в лица, слишком знакомые, но слишком изменившиеся.

— Дядя Гон Пин? — раздался детский голос в голове Гон Пина.

— Синь Юэ.

— Синь Юэ уже пора определиться с тем, чем он хочет заниматься по жизни. Даже не знаю, что с ним делать. Не может же он вечно петь, — ворчал мужчина средних лет, время от времени бросая усталые, но снисходительные взгляды на сына.

— Господин Синь, — знающе отвечал Гон Пин, — если Вам интересно моё мнение, то я считаю, А-Юэ стоило бы попробовать себя в военном искусстве. Парень он здоровый, хорошо сложенный, высокий, что всегда на руку в бою. Да и с головой на плечах.

— Он не хочет. Не нравится ему.

— Не нравится? А что, Вы его уже пробовали отдавать на обучение?

— Гон Пин, Вы так говорите, будто мы с Вами только сегодня познакомились. Мы вместе с Вами состоим на военной службе. Разумеется, первое, о чём я подумал, и единственное, о чём я мог думать, это то, что А-Юэ пойдёт по моим стопам. На его одиннадцатый день рождения я подарил ему меч — мастер постарался превосходно. Если бы мне кто-то подарил в детстве такой меч, я бы в слезах бросился к ногам этого чудесного человека и поклялся бы в вечной преданности. Честно говоря, я рассчитывал хотя бы на восторженное «Спасибо, отец!» и почтительный поклон, но получил лишь вялое «О... Это меч... Спасибо...»

— Ему не понравилось?

— Почему же? Понравилось. Он долго разглядывал меч, внимательно изучал узоры на рукоятке. Потом он положил его на стол, нарисовал его, украсил картинку оружия всякими... цветочками и... непонятными узорами... А когда закончил своё художество, кинул меч к горе безделушек. Когда вечером я зашёл к нему в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи, и увидел прекрасное творение настоящего мастера оружейного дела среди крашеных камушков и кривых, уродливых коряг, я чуть не начал плевать кровью.

— Ты наказал его?

— У него был день рождения. Мечом я его порадовать не смог, так что решил порадовать хотя бы недаванием ему по шее.

— Может быть, ему заняться науками? Или управлением? У тебя будет сын-чиновник.

— Может... Ему не нравится заниматься чем-то одним на протяжении длительного времени. Музыка — это пока что единственное, к чему он остаётся равнодушным так долго. Я знаю, что он неглупый. Он умеет рассчитывать наперёд. Но если он делает серьёзный выбор, то в первую очередь прислушивается к своим желаниям. А-Юэ способен на любые поступки под влиянием любопытства и интереса.

— Ты боишься?

— За его будущее? Конечно. Если я не буду за него бояться, сам он точно ничего не побоится.

— Дядя Гон Пин, Вы собираетесь выбивать из меня правду? То есть... какие-то сведения, которых я, разумеется, не знаю? Ведь я даже не знаю, почему я тут. Ну, то есть знаю, но не до конца, — нервно усмехнулся Синь Юэ, сонливость которого как рукой сняло после неожиданной встречи со старым другом покойного отца.

— Надеюсь, что до пыток мы не дойдём, — неловко улыбнулся Гон Пин, но Синь Юэ после этих слов несколько не расслабился, а наоборот заметно напрягся. — У, рассказывай,

как всё было.

Помощник У подробно пересказал, что произошло в саду господина Фэна, не забывая упомянуть странный вид подозреваемого и ещё более странные «прекрасный момент», «свежий воздух», «дивные звуки ночного леса». Гон Пин кивнул и выразительно поглядел на Синь Юэ.

— Малыш А-Юэ по-прежнему поэтичен. Как ты оказался в этом городе?

— Я сопровождаю чиновника Ло. Ему захотелось путешествовать на старости лет. Его Императорское величество попросил его заодно составить подробные отчёты о том, как обстоят дела за пределами столицы. Чиновник Ло поручил отчётность мне. Изначально мы остановились здесь именно с этой целью. Но потом господин Ло узнал, что сын его старого друга — господин Фэн — играет свадьбу, и решил задержаться подольше.

— Хм-м, — Гон Пин постучал пальцами по столу и сделал какую-то пометку. — Всё-таки ты решил взбираться по чиновничьей лестнице, — по-доброму улыбнулся мужчина.

Синь Юэ недовольно дёрнул уголок губ и отвёт взгляд в сторону, как бы показывая, что ему это не особо-то и нравится, но выбирать что-то нужно было.

— Давай честно. Что ты делал в саду господина Фэна?

Синь Юэ уже принял вид романтического поэта, намереваясь повторить всё то, что сказал У и Баю, но Гон Пин добавил:

— И придумай объяснение, почему ты выглядишь так растрёпанно и неаккуратно.

— Дядя, мой внешний вид заслуга дурацких деревьев.

— Деревьев?

— Кривых веток и ваших нерадивых помощников, — парень надменно глянул на своих спасителей, — которые уронили меня раз десять, пока снимали с забора.

У возмутился:

— Не наша вина, что ты влез туда! Мы и так все руки себе ободрали, пока доставали тебя! Ещё и ногу тебе перевязали! Хоть бы спасибо сказал, свинья неблагодарная!

Гон Пин поднял руку, и помощник послушно замолк.

— А-Юэ, я говорю о том, что было до того, как мои помощники приложили к тебе руки.

Молодой человек поморщился от подобной формулировки.

— У сказал, что, когда они тебя увидели, твоя верхняя одежда была распахнута, волосы были собраны будто бы наспех. И пахло от тебя, — Гон Пин перевалился через стол и принялся к Синь Юэ, который смущённо съёжился, — впрочем, и до сих пор пахнет косметикой. Что бы всё это могло значить?

— У меня плохая кожа, дядя...

— Неужели?

— Да, дядя. Мне приходится постоянно пользоваться различными средствами для того, чтобы скрыть недостатки. Это... Это из-за проблем с желудком. Вы же помните, дядя? Отец даже вызывал лекаря несколько раз. Вы должны знать, что это влияет на состояние кожи...

— А с одеждой-то что? — спросил Гон Пин, увлечённый отрыванием бумажной полоски из блокнота.

— Мне стало жарко, вот я и распахнул верхние одежды. Я думал, что был один. Так что... никто бы не увидел моей... нескромности.

— Волосы?..

— Мм, у меня в волосах мошки запутались. Они так раздражающе жужжали, что я решил распустить волосы и расчесать их... И потом...

— Плюнь сюда, — приказал мужчина, протягивая бумажную полоску.

— Что? — Синь Юэ непонимающе захлопал ресницами.

— Делай, что говорю.

— Ладно-ладно! — парень плюнул на бумажку и продолжил. — Так вот и потом я...

Дядя! Что Вы?!.

Гон Пин снова перевалился через стол и провёл бумажной полоской по лбу и левой щеке Синь Юэ.

— Эй!

Гон Пин никак не отреагировал на замечание. Он поднёс бумажную полоску поближе и присмотрелся, после чего показал её молодому человеку.

— Как ты объяснишь это, А-Юэ? Разве на тебе не должна быть косметика, с помощью которой ты, как сам утверждаешь, скрываешь недостатки своей кожи? Почему бумажка чистая? Мм?

— Это... Дядя...

— Бай, оттяни его воротник.

— Да что вы?!. — Синь Юэ почувствовал холодные твёрдые пальцы на шее и невольно покрылся мурашками. На одно мгновение ему даже показалось, что дядя разозлился на него и решил начать выпытывать правду уже не словами, а пугающе сильными руками помощника Бая.

Тем временем Бай оттянул воротник Синь Юэ, и Гон Пин подошёл к связанному парню. Мужчине открылась светлая шея с двумя тёмными розоватыми кругами. Гон Пин мог бы приказать Баю оголеть туловище Синь Юэ, но военному было достаточно и того, что он уже увидел.

— Спасибо, Бай, — Гон Пин похлопал по плечу помощника, и тот отошёл от смущённого молодого человека.

— «Стоит ли мне поговорить об этом с госпожой Шень Сяо Ми?» — думал про себя Гон Пин. — «Могу ли я осуждать её за это? Она неглупая женщина. Госпожа Шень ведь всё равно понимает, что для старины Фэна она украшение и услада для глаз, но не любовь всей жизни. Он так много времени проводит за выпивкой, остаётся с девушками, с которыми не связан никакими обязательствами. Можно ли осуждать её за...» — Гон Пин обернулся: связанный Синь Юэ с напускным гордым видом смотрел перед собой и нервно кусал губы, вероятно, надеясь, что никто не видит его слабости. Мужчина покачал головой и приказал развязать парня, чему помощники очень удивились, но спорить не стали.

— А-Сянь, ты отправляешься к чиновнику Ло и выбиваешь из него подробности о Синь Юэ и его путешествии.

— Вы-выбиваю? — переспросил шокированный первый помощник.

— Любезностью и лестью, — уточнил Гон Пин, и А-Сянь облегчённо выдохнул, — ты умеешь. Не сдерживай себя.

— Бай и У, вы продолжаете следить за домом Фэн. Ещё внимательнее.

— Да, господин!

— А ты, Синь Юэ... — Гон Пин задумался. Он сомневался, что парнишка был причастен к убийствам бывших мужей госпожи Шень. Однако он не виделся с Синь Юэ после смерти отца того, а с тех пор утекло много воды. Прошло слишком много лет, чтобы Гон Пин мог с уверенностью сказать: «Я хорошо знаю этого парня. Он не стал бы совершать те страшные преступления». Кто знает, может, в жизни А-Юэ произошло что-то, что

сломило его дух или... Или Синь Юэ... А ведь Синь Юэ страшный романтик. Кто знает, не что способно горячее сердце? На подвиг? На убийство? На любовь? Что если бы Синь Юэ влюбился в кого-то, в кого в влюбляться категорически нельзя? Что если он уже влюбился в Шень Сяо Ми? Кто она для него? Мимолётное увлечение, коих в жизни молодого человека не счесть. Или же она музыка, что навечно обосновалась в горячем сердце?

— Дядя? — голос Синь Юэ был низким и глубоким, совершенно взрослым, но Гон Пину слышался детский лепет.

— Останешься рядом со мной. Я лично буду следить за тобой, — Гон Пин полагал, что ещё не настолько стар. А что? Раньше же как-то выполнял приказы старших охранять или сопровождать пленников или преступников. Что он, не справится сейчас? Оружия при Синь Юэ не было. Да и судя по тому, что рассказали У и Бай, к военному делу парень так и не прирастился. А у Гон Пина в этом опыта хоть отбавляй.

Светало. А-Сянь и Гон Пин закрыли Синь Юэ в комнате Бая и У, а сами отправились спать. Ближе к обеду первый помощник расспросил хозяина гостиницы о чиновнике Ло и узнал, что тот, оказывается, действительно останавливался тут, однако уехал уже больше месяца назад в следующий город, расположенный южнее. А-Сянь удивился, оставил записку Гон Пину и, запрыгнув на лошадь, отправился а поиски чиновника Ло.

У и Бай после допроса Синь Юэ вернулись к охране дома Фэн. Уже стоя на воротах, они наблюдали за тем, как Чень Юй бежит по коридору, чем-то невероятно возмущённая и воодушевлённая.

Пылающая и бурлящая злость сжигала Чень Юй изнутри с тех пор, как молодая, красивая, нежная (тварь одним словом) Шень Сяо Ми обосновалась в доме господина Фэна. Хозяин дома, чувствуя, как сдерживаемые чувства наложницы, сидящей неподалёку, кислотой проедают ему бок, пытался осторожно вызнать у дамы, отчего у той не очень радостное настроение и виноват ли в этом он (если да, то что он должен сделать, чтобы пережить ближайшую ночь). Чень Юй на мягкие обращения господина отвечала мягким: «Мне плевать». Ей думалось — мягким, а вот господин Фэн готов был поклясться, что кузнец бьёт по расколённому железу мягче, чем Чень Юй произносит «плевать».

Женщина, казалось, была напряжена постоянно, и это так сильно бросалось в глаза, что слуги и другие наложницы смотрели на Чень Юй не то со страхом, не то с надеждой, что вскоре произойдёт нечто грандиозное и незабываемое. Многие почти всерьёз опасались, что женщина просто взорвётся. Или свихнётся окончательно. Первый вариант всё же был предпочтительнее.

Дни шли, складывались в недели и проскакивали, надменно посмеиваясь, прямо перед лицом негодующей Чень Юй. Впервые женщина оказалась в неудобном для себя положении, когда всё внимание господина Фэна (по крайней мере, обращённое к женскому полу) доставалось не ей.

Разговор с Сяо Ми, короткий, но весьма запоминающийся, был уже давненько, и более красавицы не общались, лишь изредка случайно пересекались взглядами. В такие моменты глаза у Чень Юй были настороженными и испуганными, хоть женщина и пыталась это скрыть. А вот взгляд Шень, к удивлению наложницы, был скромным и покорным, словно у неопытной служанки. Чень Юй пару раз ловила себя на мысли, а не приснился ли ей тот неприятный разговор, но потом прогоняла эти мысли прочь.

— «Нет уж, дорогуша. Может, ты смогла обмануть господина Фэна, но одурачить меня у тебя не получится», — думала Чень Юй, грызя и ломая палочки для еды.

Дьявольские планы зрели под красивой причёской.

— «Как бы мне тебя изжить-то со свету? Или хотя бы выгнать из этого дома?» — думала Чень Юй, кромсая цветок в своих руках, представляя на его месте «милую подруженьку».

Женщина решила, что для начала надо разведать обстановку.

Чтобы господин Фэн вышвырнул зазнавшуюся девицу на улицу, нужны были весомые причины. И Чень Юй намеревалась их найти и преподнести хозяину дома в самом ужасающем виде.

— «Не может же она быть святой?! Да она демоница, уж я-то знаю! Я видела её истинное лицо!» — думала Чень Юй, пытаясь найти доказательства причастности Шень Сяо Ми к будущей гибели рода людского. Но комната молодой госпожи была до обидных слёз неподозрительная...

— «Погодите... Разве то, что эта комната не подозрительна, не подозрительно? Хм-м...»

Чень Юй ещё раз перебрала вещи в шкафу. Ничего.

Перед зеркалом стояло множество разных баночек, сундучков и флакончиков. Чень Юй долго разглядывала их, но ничего необычного не увидела. В них были косметика, духи,

краска, белила, какие-то крема, мази. В деревянных и металлических шкатулочках хранились изысканные серьги, кольца, заколки и другие дорогие украшения.

Чень Юй задержалась, разглядывая и трогая чужие богатства. У неё самой было много украшений, которые ей подарил господин Фэн, но... Видимо, у бывших мужей Шень Сяо Ми вкус был получше, чем у нынешнего.

Чень Юй вернула красивые побрякушки на место и огляделась.

— «Где же ты прячешь свою метлу, ведьма?» [прим. автора: знаю, тема чисто европейская, но мне так хотелось это вписать]

Взгляд женщины задержался на кровати.

— Ха! — Чень Юй подбежала к кровати, одёрнула полупрозрачную штору, скрывающую ложе, и принялась ощупывать одеяла на предмет... чего-то. Чего-то такого... В общем, чего-то, чего тут быть не должно. Женщина повертела подушки, постучала по дереву кровати, ещё раз осмотрела всё и, в конце концов, расстроено села.

— Ничего...

Чень Юй устало закрыла лицо руками. Ей пора было уходить. Бледная поганка скоро вернётся, и она не должна застукать Чень Юй в таком виде.

— А? — наложница удивлённо принюхалась к своим ладоням. Пока она вытряхивала жизнь из одеял и подушек, запах чужих духов осел на её руках. И этот запах не был ей знаком. Как пахнет чертовка Шень, женщина хорошо помнила, как воняет господин Фэн — тоже.

Чень Юй бросила взгляд на кровать и, недолго думая, уткнулась лицом в подушку. Здесь определённо пахло телом, духами Сяо Ми и ещё какими-то духами.

— «Может, новые? А может, и нет».

Из окна донеслось весёлое «Как погуляли, госпожа Фэн?» от помощника У.

— «Я должна проверить догадку! Что, если мне повезёт?!» — Чень Юй подорвалась с места и выглянула в коридор. Там пока никого не было. Женщина подбежала к зеркалу и схватила четыре флакона с духами и пять баночек с кремами и мазями, которые имели запах, а затем побежала в свою комнату.

Оказавшись в одиночестве и убедившись, что никто не подслушивает и не подсматривает, Чень Юй расставила перед собой флакончики и баночки.

— Приступим, — кивнула женщина и открыла первый флакон с духами. Приятный цветочный аромат, лёгкий и сладковатый. Второй — более освежающий, чуть горьковатый. Третий — без запаха. — А? — Чень Юй удивлённо повертела в руках флакон, взболтала и вылила себе на руку немного жидкости. Запаха по-прежнему не было. — Может, это лекарство какое? Или для волос? — Чень Юй встряхнула рукой, и капли жидкости без запаха упали на пол. В четвёртом флаконе были духи со сложным, но мягким и ненавязчивым ароматом, глубоким — ими чаще всего и пользовалась Шень Сяо Ми, и этот запах был хорошо знаком Чень.

В трёх баночках оказались крема с очень нежным, но едва заметным травяным ароматом. В четвёртой баночке был крем с персиковым ароматом. Пятую баночку Чень Юй даже открывать не стала. Травяной запах хоть и не был неприятным, но был столь резким и сильным, что рядом с баночкой тяжело было дышать. На крышке была аккуратная надпись «Для глаз».

Чень Юй спрятала награбленное найденное глубоко в шкаф.

— «Я же говорила — потаскуха», — усмехнулась женщина. — «Тот запах был слишком

другим. Слишком. Слишком мужским. Раз это не что-то из коллекции дохлячки Шень, значит, это что-то извне», — взбудораженная своим открытием Чень Юй носилась по комнате. — «Интересно, кто же это? И знает ли ещё кто-то кроме меня?»

В следующую ночь, когда господина Фэна не было в доме, Чень Юй вышла на охоту. Её зоркий глаз не упускал из виду ни одной детали, ни одной странной пылинки. Она кралась по безлюдному коридору в темноте словно кошка.

Подобравшись к комнате Шень, она прикрыла рот рукой, чтобы даже её дыхание было бесшумным. Женщина превратилась в сам слух и прижалась лицом к щели между стеной и дверью.

Сквозь тонкую вертикальную полоску из комнаты в коридор еле-еле пробирался тусклый свет. Больше ничего видно не было.

С другой стороны беседовали двое. Одна — Шень Сяо Ми, её тихий, нежный (скотский одним словом) голос Чень Юй узнала сразу. Второй — незнакомый, явно мужской, приятный на слух. О чём они говорили, разобрать было сложно. Да это женщине было и ни к чему. Замужняя женщина и мужчина (который этой замужней женщине совсем-совсем не муж)!

— «Что может быть прекраснее?! Разве что, если господин Фэн об этом поскорее узнает!»

По ту сторону двери послышалось шуршание одежды и поцелуи. Кто-то босиком направился в сторону Чень Юй.

— «Так, это не хорошо».

Женщина на цыпочках забежала за шторы из нитей с бусинами, делящие коридоры на части, и припала к полу. Дверь приоткрылась, и полуодетый незнакомец обвёл изучающим взглядом коридор, не зная, что прямо сейчас кое-кто обводит изучающим взглядом его самого. Чень Юй была в тёмном платье, а чёрные распущенные волосы закрывали оголённые участки белой кожи, она не шевелилась и почти не дышала. Удачное положение помогло ей, и незнакомец, ничего не заметив, закрыл за собой дверь.

Чень Юй быстро поднялась на ноги и направилась на кухню. Такие приключения нужно заесть. Не дойдя до своей цели, она остановилась и всё же решила рассказать об увиденном новым, странным, красивым (подозрительным одним словом) охранникам. Ведь если не поздно, то они ещё успеют задержать незнакомца, и тогда доказательство предательства Шень будет совершенно неопровержимым. Однако тех двоих на месте не оказалось.

Голодная, но по-прежнему воодушевлённая предстоящим конфликтом Чень Юй отправилась праздновать свой триумф.

К утру, так и не уснув, она вышла на веранду, где, наконец, смогла поговорить с помощниками У и Баем.

С тех пор, как помощники Бай и У наткнулись в саду дома Фэн на Синь Юэ, прошло больше месяца.

А-Сянь вернулся в город через четыре дня после того, как отправился на поиски чиновника Ло. Как оказалось, Синь Юэ не поехал путешествовать вместе с чиновником дальше, а попросил разрешения остаться. Сейчас он жил на деньги, выделенные ему перед поездкой и подыскивал себе постоянную работу в городе госпожи Фэн. Это, конечно, лишь увеличивало и без того большое количество вопросов, которые Гон Пин хотел бы задать Синь Юэ. Он и задавал, но изворотливый и безразличный ко всем жизненным невзгодам молодой человек находил причину для всех своих поступков.

«Природа тут хорошая». «По зову сердца». «Местный петух клюнул меня в пятку, и я понял — это знак свыше».

Гон Пин понимал, что это звучит как бред да и является бредом, но адекватных ответов из Синь Юэ было не выбить. При малейшем намёке помощников применить к парню развивающие искренность и честность пытки у Синь Юэ случался лишь приступ безудержного вдохновения, и тот, будучи испуганным, принимался нести полнейшую чушь, которая была даже нелепее, чем прежде.

Ещё больше вопросов возникло после рассказа Чень Юй о силуэте некоего мужчины в комнате госпожи Фэн. Силуэт полностью совпадал с описанием, которое дали госпожа Фэн и её верная служанка Гон Пину ещё в самом начале расследования.

Когда Чень Юй попросили взглянуть на подозреваемого и сказать, похож ли он на человека из комнаты госпожи Фэн, она дала неоднозначный ответ:

— Тц, ох, о-о-ох! — женщина, томно вздыхая, ходила вокруг молодого человека и оценивающе шурилась. — Вот даже и не понять. Вроде похож... А вроде и не похож... Тц! Разденься, мальчик.

Синь Юэ в миг порозовел. Гон Пин покашлял в кулак:

— Госпожа Чень, соблюдайте приличия.

— Попроси я вас, уверена, вы бы так не сопротивлялись, — самодовольно фыркнула женщина, на что Гон Пин лишь скептически приподнял брови. — Я прошу, потому что у человека, силуэт которого я видела, было обнажено туловище. Я же не требую от мальчика, чтобы он разделся до гола. Пусть снимет верх и всё.

Гон Пин дал отмашку, и Синь Юэ, закатывая глаза и краснея, стянул с себя одежду. Чень Юй подошла ближе и вперилась в молодое и красивое тело изучающим взглядом.

— Тц, ой, ох...

— Похож?

— Да вроде и похож... А вроде и не похож... Вы его не раскормили за ночь? Силуэт был, кажется, постройнее.

— Ваш вердикт?

— Не знаю, — честно ответила Чень Юй.

— Прекрасно! — пытаюсь скрыть раздражение улыбкой, воскликнул Гон Пин.

Гон Пин запретил Чень Юй рассказывать подробности прошедшей ночи кому-либо, в особенности господину Фэну. Однако могла ли женщина молчать о секрете своей

соперницы, тем более что та рискованная ночная вылазка имела целью найти компромат на Шень Сяо Ми и с его помощью выставить её в худшем свете в глазах господина Фэна? Что за тупой неумный вопрос?! Конечно, нет!

Не прошло и двух часов с момента, когда наложница приложила руку к груди со словами: «Господин Гон, даю вам честное слово Чень», — как уже весь дом Фэн знал о страшном распутстве молодой госпожи, которая еженощно утаскивала в свою грязную постель сразу по три добрых молодца.

При всём при этом Чень Юй не рассказывала о Синь Юэ. О неупоминании молодого человека они с Гон Пинем тоже договаривались, однако не выдала она его по другой причине: его личность портила версию о незнакомцах, что сменяли друг друга группами по трое каждую ночь.

Чень Юй всё ждала момента поведать чужие тайны господину Фэну, ведь в конце концов судьбу «шалавы Сяо Ми» предстояло решить именно ему. К несчастью главной наложницы, хозяин дома пребывал в великом запое где-то на окраине города, нисколько не заботясь ни о своей безопасности, ни о том, что творится в его поместье.

После невнятных показаний ненадёжной женщины Гон Пин отпустил Синь Юэ с правом видеться с госпожой Фэн. Он сильно сомневался в причастности парня к убийствам, догадываясь, что тот, однако, многое знает.

А-Сянь после своего возвращения был приставлен охранником к госпоже Фэн. Бай и У остались приглядывать за безответственным господином Фэном.

После скандала, устроенного Чень Юй, измождённой Фэн Сяо Ми стало плохо. Слуга с письмом постучался в дверь Гон Пина рано утром. В письме А-Сянь сообщал, что у госпожи разболелась голова, а позже пошла кровь из глаз. Гон Пин быстро собрался и помчался в дом Фэн, предполагая самое страшное: «Неужели убийца решил покончить с девушкой? Моя версия оказалась неверна? Что если я допустил ошибку, разрешив Синь Юэ видеться с госпожой Фэн?»

Прибыв на место, он облегчённо выдохнул. Старшая служанка Чу-Чу объяснила, что плохое самочувствие госпожи — лишь вызванный сильным стрессом приступ болезни, которая преследует Сяо Ми с самого детства. Чу-Чу уже послала за её лечащим врачом, и тот должен прибыть максимум через двое суток.

И действительно.

Спустя два дня Гон Пин смог познакомиться с доктором Се Ци. Это был очень спокойный и добрый человек, который заботился о больной Сяо Ми даже больше, чем требовала его профессия. Врач был весьма короток, хотя и учтив, отвечая на вопросы Гон Пина, и надолго никогда не покидал пациентку.

Внешность лекаря показалась Гон Пину очень необычной, даже экзотичной: мужчина не выглядел как типичный житель этих земель, что-то было в нём от южан. Гон Пин полагал, что этот человек, весьма вероятно, был родом из далека.

— А-Сянь, я думаю, нам с тобой следует узнать побольше об этом человеке...

— Да, господин.

— Побольше — значит, ты едешь в родной город госпожи Шень и спрашиваешь у всех подряд, кто такой этот доктор Се Ци и откуда он взялся.

— Я понял, господин.

— Пока не узнаешь о нём что-то страшное, не возвращайся. Но и больше недели не

задерживайся. Понял меня?

— Понял...

Состояние госпожи Фэн медленно приходило в норму. Бледная и обессиленная, девушка всё же ровнее дышала, а кровь не текла в прежних объёмах. Чу-Чу, Синь Юэ и Се Ци находились в комнате больной круглосуточно. Гон Пин захаживал время от времени, чтобы узнать о самочувствии девушки. Однажды даже к Сяо Ми наведалься господин Фэн и, неловко потоптавшись на месте, пожелал жене скорее выздоравливать.

А-Сянь прискакал спустя шесть дней с выпученными глазами и страшной одышкой.

— Что? — поинтересовался Гон Пин.

— Воды!

— А о Се Ци ты что-нибудь узнал?

— Во-во-воды!

— Хорошо-хорошо, держи, — Гон Пин протянул всё ещё восседающему на коне помощнику флягу. — Вот так, вот так, пей. А пока пьёшь, формулируй мысль. Что узнал? А? Так, хватит тебе! — Гон Пин отобрал флягу и хлопнул по ноге парня.

А-Сянь перевёл дух и заговорил:

— Мой господин... Ух... Во... Во-первых...

— Да?..

— Во-первых, ваша жестокость и бесчеловечность, уж простите, совсем уже ни в какие ворота! Как вы можете отбирать флягу у человека, который скакал на лошади день и ночь?!

— Про свою жестокость и бесчеловечность я и так знаю. Лучше расскажи мне про бесчеловечность доктора. Ты же узнал о нём нечто страшное, раз вернулся через шесть дней, а не через семь?

— Во-вторых... — продолжил спокойнее А-Сянь, — господин Се имеет весьма неплохую репутацию в родном городе госпожи Фэн и в близлежащих городах тоже. Пройдясь по домам его знакомых, я ухватился за несколько интересных слухов, цепочка из которых привела меня в одну отдалённую деревню. Местные жители рассказали мне, что господин Се, или же «уважаемый знаток трав Се», когда-то обучал их приготовлению лекарств. Он жил там долгое время. Но родился далеко, очень далеко на юге и многие знания о травах принёс именно оттуда. Его знания о ядах и о строении человеческого тела были поразительно глубокими. По рассказам местных, во время конфликта с соседней деревней, когда наступил сильный голод и шла борьба за пропитание, «уважаемый знаток трав Се» изготавливал смеси и яды, которые всегда идеально... м-м-м... избавляли жителей деревни от конкурентов. Один яд, самый мощный и опасный, по своему действию очень похож на яд...

— Гу.

— Да. Яд Гу. Господин, вы полагаете?..

— А-Сянь, если ты говорил со знакомыми господина Се Ци, то, наверное, осведомлён, что он знает госпожу Фэн с самого детства.

— И относится к ней, как к родной дочери.

— А ещё он идеально подходит под описание «Господина Подозреваемого».

— В таком случае не вижу смысла стоять тут и ждать, пока кара небес достигнет его. Настигнем его вместе, господин!

— А-Сянь, бери верёвку, а я напишу, в чём же этот тёмный человек обвиняется. Похоже, моё чутьё не подвело меня.

— Да, господин!

В комнате Фэн Сяо Ми было тихо. Девушка спала. Её верная помощница сидела рядом с кроватью, охраняя сон хозяйки. Синь Юэ молча обедал.

Гон Пин распахнул дверь с ледяным спокойствием. Он осмотрел помещение, и его взгляд с уверенного сменился на озадаченный.

— А где доктор Се?!

Госпожа Фэн сонно поморщилась. Чу-Чу подошла к Гон Пину и недовольно спросила:

— Зачем же так громко? Вы потревожили сон госпожи. Что случилось?

— Простите, но... — Гон Пин смутился и продолжил тише, — дело в том, что нам очень нужен господин Се, — А-Сянь с верёвкой в руках кивнул, — очень.

— Боюсь, что вы немного опоздали, господа. Уважаемый доктор Се утром отбыл к себе домой.

— Уже?

— Госпоже полегчало. Доктор оставил нам инструкции и лекарства. Дальше мы сами справимся.

— Благодарю вас, Чу-Чу, — Гон Пин улыбнулся на прощание и так громко хлопнул дверью, что Синь Юэ подавился рисом.

— Господин, нужно бежать за ним!

— Хорошо, тогда ты побежишь, а я на лошади поеду. Сначала предупредим Бая и У, они позаботятся о безопасности господина и госпожи Фэн. И надо будет ещё предупредить Синь Юэ, чтоб перед господином Фэном не отсвечивал.

Сердце господина Фэна было преисполнено тревоги. Он шатался по поместью, не зная, чем себя успокоить. Гон Пин отправился в родной город Сяо Ми несколько часов назад. Предчувствие было до боли страшным. Господин Фэн надеялся, что доктора уже схватили, потому что чем больше раскручивалось это странное дело, тем более нервным становился он сам.

Главный вход в дом охраняли помощники Бай и У, все остальные двери и даже окна были заперты по приказу господина Фэна. Слуги, ощущая напряжение и испуг хозяина, прониклись теми же чувствами и попрятались по своим комнатам. Никто не хотел отвечать — все боялись, а чего именно — непонятно.

И без того тёмное небо заволокли тучи, не разглядеть ни одной звезды. Господин Фэн словно призрак бродил кругами по дому со свечой в руке. Он хотел спать, но боялся оставаться один в своей комнате.

Наконец, не в силах больше терпеть эту скребущуюся кошку на груди он подошёл к комнате жены и прислушался.

— «Наверное, она уже спит», — подумал мужчина и тихонько приоткрыл дверь. Он надеялся, что сможет прилечь рядом с ней и немного успокоиться. Да и вряд ли его убьют, пока он будет рядом с Сяо Ми, ведь человек, заботящийся о ней, не позволит девушке лицезреть нечто ужасное.

Господин Фэн пригляделся, пытаясь рассмотреть хоть что-то в темноте покоев жены. Сяо Ми не спала. Она стояла перед зеркалом с закрытыми глазами и наносила на веки лечебную мазь. Её мягкие губы были бледными и плотно сжатыми — ей было больно. Господин Фэн замер, смотря на эти муки, что портили прекрасное лицо Сяо Ми. Девушка едва заметно вздрагивала и почти неслышно постанывала, когда по глазам проходила очередная волна боли. Её руки были все в мази, которая под острым углом предплечий стекала вниз, пачкая рукава ночных одежд. Вероятно, Сяо Ми уже ложилась спать, когда глаза начали болеть. Одной рукой она осторожно развязала пояс, поддела зубами левый край халата и отвела его на левое плечо, проделала то же самое с правым краем, а затем резко привстала на носочки, как бы подпрыгнув. Одежды упали вниз, обнажив белое тело. Господин Фэн, не моргая, смотрел в зеркало, смотрел так, будто от этого зависела его жизнь...

— Когда же доктор вернётся? — спросил А-Сянь, что-то торопливо записывая в блокноте, хотя женщина, встретившая их в доме Се Ци, ничего ещё не успела сказать.

— Ох, господин, не знаю. Но я обязательно сообщу доктору, что вы искали его. А, собственно, по какому поводу вы хотели видеть доктора? Может быть, я могу вам помочь? — женщина внимательно осмотрела визитёров, вероятно, полагая, что они искали доктора в связи с тем, что кто-то плохо себя чувствует.

Гон Пин и А-Сянь переглянулись.

— Госпожа, мы по поводу Шень Сяо Ми.

— А? — женщина подняла взгляд вверх, пытаясь припомнить, почему ей знакомо это имя, — а-а-а! Конечно, Сяо Ми! Маленький ребёночек. То есть сейчас уже не маленький ребёночек, — посмеялась помощница доктора.

— Возможно, вы знаете, что у Сяо Ми проблемы. Может быть, доктор Се что-то говорил вам об этом?

— О-о, у Сяо Ми проблемы с глазами. Очень большие проблемы с глазами. Уж я-то это знаю. Все эти годы по указанию доктора я готовила мазь, которую он отправлял Сяо Ми. Признаться, я иногда чувствую вину, — грустно сказала женщина.

— Почему? — удивился Гон Пин.

— Дело в том, что я принимала роды у тогда ещё хозяйки дома ныне покойного господина Шень. Роды были очень тяжёлыми. И хотя я сделала всё от себя зависящее и доктор Се уверял меня, что причина болезни не в якобы повреждении ребёнка во время родов, я всё равно чувствую некоторую вину за страдания Сяо Ми. Ничего не могу с собой поделать. Мне так жаль, так жаль...

— Госпожа, не стоит корить себя без причины, — Гон Пин положил руку на плечо помощницы доктора, пытаясь успокоить совсем погрузневшую собеседницу, — зато посмотрите, какая красивая, умная, приятная девушка выросла!

— А?

— Что?

— Вы сказали...

— Говорю: госпожа, не стоит корить себя без причины.

— Зато посмотрите...?

— Зато посмотрите, какая красивая, умная, э-э... что там... просто очаровательная девушка выросла!

— ... Господин, — медленно протянула женщина, с подозрением глядя на следователя, — родился мальчик.

В отражении господин Фэн увидел тонкую фигуру, что была облачена лишь в широкие белые штаны. Длинные чёрные волосы струились по узким плечам, острым лопаткам и плоской груди, которую невозможно было спутать с женской. Теперь господин Фэн, наконец, увидел то, что хотел увидеть так давно. Не так он себе это представлял. Предплечья Сяо Ми были не необычайно сильны, они были мужскими. Острые скулы были не удивительной природной особенностью лица Сяо Ми, это были мужские острые скулы. Вся эта очаровательная угловатость фигуры была таковой не из-за особенностей наследственности, а по той простой причине, что принадлежала мужчине!

Рот господина Фэна то открывался, то закрывался, не в силах не то, что произнести хоть слово, а хотя бы сделать вдох. У господина Фэна порой сводило дыхание при виде жены, но не до такой степени. А жены ли?

— Т-ты-ты! — прошептал мужчина.

Глаза «незнакомца» в зеркале широко распахнулись и вперились прямо в вопящую душу господина Фэна. Отражение было неподвижно, хотя сама Сяо Ми, вернее, сам Сяо Ми был напряжён до предела. Он пристально наблюдал за поведением мужа. А мужа ли?

— Ублюдок! — выплюнул шокированный и разгневанный господин Фэн, на которого медленно, но верно и шквалом обрушивалось понимание того, что вообще творится в его жизни и в его доме. Жаль, к господину Фэну никак не могло пробиться осознание, в каких ситуациях стоит выбрасывать своё мнение в мир, а в каких лучше смиренно молчать.

Сяо Ми резко обернулся к почти лежащему от переполняемых голову открытий чиновнику и взял в руки первое, что попало. Этим первым оказалась небольшая шкатулка

из тёмного дерева. Шень в два шага преодолел расстояние до господина Фэна и попытался ударить того шкатулкой по голове, но господин Фэн неожиданно ловко перекатился за дверь, и удар пришёлся по касательной по колену.

Чиновник быстро потянул на себя дверь, почти открыв её, а затем оттолкнул, ударя Сяо Ми по голове. Парень согнулся и закрыл руками глаза. Те снова пронзила боль, на этот раз гораздо более сильная. Из раны на виске выступила кровь. Сяо Ми застонал.

— Выродок! Тварь! Чтоб тебя! — закричал господин Фэн и, пользуясь заминкой пострадавшего, вскочил на ноги и побежал как можно дальше от злосчастной комнаты. Он сметал всё на своём пути. Какая-то маленькая табуретка чуть не стала его гибелью, когда он споткнулся о неё. Похожие на дождь длинные красные нити с красивыми камушками на них, что делили коридоры в доме Фэн на части, зацепились за одежды господина Фэна и оторвались.

Чиновник обернулся, смотря, не бежит ли за ним парень.

Сяо Ми, пошатываясь, поднялся на ноги и вышел из комнаты. Прекрасное лицо прорезали две тонкие алые линии — глаза кровоточили.

А-Сянь выронил блокнот.

— Что? — поражённо спросил Гон Пин, не веря в услышанное.

— Родился мальчик, — повторила женщина, не понимая, что происходит, точно так же, как и все здесь присутствующие, — мальчик. Малыш Шень Сяо Ми. Сын госпожи и господина Шень.

— Вы... Простите, — выдавил из себя Гон Пин, намереваясь задать глупый вопрос, хоть сам их на дух не переносил, — вы уверены?

— В чём?

— В том, что родился мальчик! — выкрикнул перевозбуждённый А-Сянь.

— Молодой человек, — укоризненно начала женщина, — я принимала роды, я в буквальном смысле его наружу вытащила, я его мыла и я же передала его матери. Я совершенно, абсолютно уверена, что держала на руках, на своих собственных руках именно мальчика. Красивого, милого мальчика. С нежной кожей, белым личиком, коротенькими чёрными волосами и родинкой под губой.

А-Сянь взволнованно посмотрел на начальника. Гон Пин покачал головой и положил отяжелевшую руку на плечо помощника:

— Быстро, быстро, — тихо сказал Гон Пин, развернувшись к А-Сяню, но продолжая неверующе смотреть в пустоту.

— Быстро что?! — воскликнул А-Сянь, продолжая с раздражением реагировать на всё подряд.

— Быстро возвращаемся в дом Фэн!!!

Пошатывающееся тело Сяо Ми было похоже на неупокоенную душу погибшего не своей смертью, словно призрак, ищущий того, кто оторвал его от этого света. Глаза Шень были закрыты. Видимо, он боялся боли, которая обязательно охватит его, если он их откроет. Парень слышал, куда побежал его «муж», и, спотыкаясь о разбросанные вещи, быстро шёл в том же направлении. Поскольку он ничего не видел, ему приходилось руками ощупывать то, что было вокруг него.

Та часть дома, где жили слуги, была слишком далека от покоев хозяев Фэн. И даже

помощника, который чуть ли не круглосуточно находился рядом с господином, господин Фэн послал куда подальше, чтобы «не нервировал».

Чиновник тяжело дышал. Он пробежал совсем не много, но страх сжимал его сердце и высасывал из него кислород. В голове господина Фэна, словно фейерверки, взрывались воспоминания о том, что рассказывал ему Гон Пин: высокий, худой, сильный мужчина с короткими пальцами и массивными коленями. Они думали, это доктор! Но! Высокий, худой, сильный мужчина с короткими пальцами и массивными коленями — это мог быть и Шень Сяо Ми!

— «Да что «мог быть»?! — думал господин Фэн. — Наверняка, это он и есть! Если он был готов, не раздумывая и не пытаясь объясниться, убить меня, то что бы ему помешало убить других своих мужей?!»

Шагов Шень не было слышно, но господина Фэна это нисколько не успокаивало. Его «жена» всегда ходила бесшумно. Она всегда была словно призрак.

— «Призрак? А ведь и верно. Сяо Ми можно назвать призраком. Он был тем человеком, которого никогда на этом свете не было. Был той женщиной, которую все знали, все обожали, но которой никогда не существовало».

Коридор закончился, и господин Фэн оказался в большом зале, в котором он всегда встречал гостей. У него уже не было сил бежать, поэтому он решил попытаться спрятаться.

Зал подпирали шесть массивных колонн: три в одном ряду и три — в другом. Между колоннами и за ними стояли столы, за которыми могли расположиться многочисленные гости. Днём это помещение освещалось благодаря большим окнам, через которые в зал попадал свет и которые находились позади столов. Сейчас был вечер, поэтому шторы были задёрнуты.

Между рядами колонн оставалось свободное пространство. Оно имело вытянутую форму. На одном его конце был коридор, из которого выбежал господин Фэн, на другом — коридор, который вёл к выходу из дома. Бегать по безлюдной, пустой улице в кромешной темноте чиновнику было бы затруднительно. Во-первых, ему было затруднительно бегать, не только потому что господин Фэн устал, но и потому что колена, пострадавшие от удара шкатулкой, болезненно ныло. Во-вторых, господин Фэн страдал куриной слепотой. Сяо Ми был моложе и свежее мужа, поэтому ему ничего не стоило догнать чиновника. И пусть у него болели глаза, слух Шень был очень хорош.

Господин Фэн оглядел помещение и, громко топая, побежал по коридору. Добежав до конца коридора, он остановился и на цыпочках прокрался к самому дальнему ряду столов. Он отдёрнул тяжёлую штору, что почти сливалась с его одеждами, и спрятался за ней.

Мужчина пытался успокоить своё дыхание, чтобы не издавать громких звуков.

— «О небеса! Что за день! Почему именно я? Почему это случилось именно со мной? Что я такого сделал? Чем заслужил такую кару? — дыхание господина Фэна практически успокоилось, но сердце билось так сильно, что, казалось, било чиновника изнутри. — Неужели у жизни рядом с самой прекрасной женщиной империи, тьфу, самой прекрасной неженщиной империи настолько высокая цена? Ну, почему, почему эта тварь такая красивая?»

Поглощённое животным страхом сознание господина Фэна подбрасывало хозяину картины того, как Шень отдёргивает шторы, за которыми прячется мужчина, а потом... А что потом, господин Фэн боялся представлять. Ему вспомнились трупы, которые выкопал Гон Пин. Перед глазами стояли жуткие травмы господина Луана.

— «Гон Пин, ты ловишь не того, ты занимаешься не тем! Вернись сюда и спаси меня! И где чёрт носит этих телохранителей?!»

Господин Фэн вспомнил, что отправил их стеречь главные ворота, и мысленно дал себе леща.

В слабоосвещённый зал кто-то вошёл. Господин Фэн знал кто. Человек, за спиной которого горели свечи, отбрасывал тень, высокую, худую тень. Она была длинной, поэтому, словно чёрное полотно, накрывала собой часть пола, стола и штор, за которыми прятался господин Фэн. Мужчина чувствовал, как дрожат его плечи. Складывалось впечатление, будто Шень стоит не где-то там, в другом конце зала, а прямо за шторой.

Тень замерла. Она словно вслушивалась в шорохи. Господин Фэн задержал дыхание. Постояв неподвижно некоторое время, Шень Сяо Ми прошёл между рядами. Он ни разу не свернул со своего пути и не посмотрел в сторону, а исчез в коридоре, который вёл к выходу из дома.

Господин Фэн позволил себе тихо и облегчённо выдохнуть. Теперь нужно было думать, что делать дальше. Пока Шень Сяо Ми будет искать его во дворе, ему следует уносить ноги из этого зала и мчаться к слугам — уж они-то защитят своего господина или, по крайней мере, станут пушечным мясом, которое задержит Шень, пока хозяин дома будет спасаться бегством. По-хорошему стоило бы ещё отправить кого-нибудь за телохранителями У и Баем, но...

Капля холодного пота стекла по виску господина Фэна. Если Сяо Ми вышел из дома, то, наверняка, должен был наткнуться на Бая и У. Тогда они бы тоже его заметили, ведь ворота расположены как раз напротив выхода. В таком случае они бы уже схватили Шень. Но он не дурак, так ведь? Он бы увидел тех двоих, понял бы, что, во-первых, выходить ему нельзя, иначе тайна раскроется, во-вторых, выходить и незачем, потому что если бы господин Фэн не остался в доме, а вышел на улицу, он бы уже был под охраной Бая и У и рассказывал бы им дрожащим голосом, что преступник в доме и это его «жена»!..

Но если Сяо Ми не покидал дом, то...

Господин Фэн поднял взгляд, полный ужаса, на шторы. За ними была такая непроглядная темнота, словно в зале потухли все свечи. Под бешеный стук сердца темнота резко отдёрнула ткань, и господин Фэн увидел перед собой самое страшное лицо, которое он когда-либо видел в своей жизни. Былое изящество извратилось гневной гримасой в нечто пугающее. Кровь, стекающая из глаз и сочащаяся из раны на виске, размазалась по лицу. Длинные чёрные волосы взлохматились, а некогда очаровательные тонкие локоны, обрамлявшие лицо, прилипли к мертвенно бледной коже и потяжелели из-за засохшей на них крови.

Господин Фэн не успел сделать и вдоха, когда Шень Сяо Ми впился в его шею сильными пальцами с отросшими ногтями и повалил чиновника на рядом стоящий стол со всего размаху. Дерево треснуло и разломилось на части. Из груди господина Фэна выбило воздух, и он попытался отдышаться, однако парень не дал ему опомниться и, потянув за воротник мужчины, поднял того со стола. Господин Фэн не понимал, откуда у Сяо Ми столько силы.

Чень Юй не могла уснуть уже третью ночь. Странная тошнота и боль в животе преследовали её с тех самых пор, когда она выкрала духи из комнаты «поганки Шень», однако в последнюю неделю они стали совсем невыносимы. Женщина даже подумывала

вызвать врача.

Чень Юй отправилась на кухню, намереваясь выпить немного горячей воды — это обычно облегчало боль и снимало тошноту. На время.

Из коридора она услышала странные звуки. Это было похоже на драку. Драка? В доме Фэн?

— «О боги, это голос господина?»

Чень Юй вбежала в зал и закричала:

— Что здесь, чёрт возьми, происходит?! Ты кто вообще?!

Не дождавшись ответа, она бросилась на помощь господину Фэну. Наложница вцепилась в руку парня и попыталась оторвать её от шеи задыхающегося хозяина дома. Но рука не сдвинулась ни на миллиметр. Тогда Чень Юй отбежала и замахнулась ногой на спину человека. Удар пришёлся чуть левее позвоночника. Молодой человек выгнулся и повернул голову к наложнице.

— Ах!.. — Чень Юй громко выдохнула и в ужасе отшатнулась.

— Как же ты меня бесишь! — прорычал Сяо Ми и схватил женщину за волосы.

— Чёрт! — мольба о пощаде мелькнула в глазах Чень Юй, прежде чем Шень со всей силы впечатал лицо наложницы в колонну и кровь брызнула из расколотого черепа вместе с ошмётками мозга.

Господин Фэн лишь жалобно прохрипел и заплакал, глядя на дорогую наложницу. Он знал: его ждёт нечто подобное.

— Гон Пин! Сукин ты сын! Дорогой друг! — сипел обессиленный господин Фэн.

Шень Сяо Ми с окровавленными руками вновь сел на лежащую тушу «мужа» и продолжил жестоко избивать его и царапать.

— Бай! У! Быстро в дом! — закричал Гон Пин, спрыгивая с лошади так же ловко, как и А-Сянь. — Убийца внутри!

Четверо мужчин бросились к дверям. Они преодолели коридор за одно мгновение, и перед ними открылась жуткая картина: некогда красивая некогда женщина восседала на неподходящем признаки жизни муже спиной к смотрящим, рядом лежало тело с месивом вместо головы, и все персонажи картины были с ног до головы в крови.

А-Сянь закрыл нос рукой. Помощники Бай и У кинулись к Шень Сяо Ми и оторвали его руки от шеи господина Фэна, вытянув их в стороны.

— Ми-Ми! — воскликнул вбежавший в зал Синь Юэ, последние часы проведший в саду. Он с испугом и грустью смотрел на Сяо Ми.

Услышав голос Синь Юэ, Шень запрокинул голову назад и, продолжая висеть на вытянутых в стороны руках, нежно и кротко, как в первый раз, улыбнулся гостям. Где-то под ним тихо похрипывал господин Фэн.

Глядя на белое лицо, изогнутую лебединую шею и блестящие чёрные глаза, Гон Пин думал: «Совершенство».

Гон Пин мерил шагами коридоры темницы. Холод отрезвлял его, уставшего от потока новостей. Слишком многое на него навалилось всего за сутки.

Послышался звон металла и шаги. Помощник Бай отодвинул задвижку и впустил в темницу Синь Юэ. После того, как юноша вошёл, Бай снова запер дверь и остался стоять на страже.

— Где? — спросил Синь Юэ, вздрагивая не то от холода, не то от нервозности.

— Идём, — сухо ответил Гон Пин и неспешно направился в дальнюю часть темницы.

— Сколько у нас времени?

— Пока горит палочка для благовоний. Потом я вернусь, и мы с тобой поговорим.

— Как господин Фэн?

Гон Пин нахмурил брови. Перед глазами всплыло синюшное лицо и изувеченное тело друга:

— Он скончался пятью часами ранее от полученных травм. Бедняга долго мучился перед смертью. Врачи ничего не могли поделать. Такая жестокость...

Синь Юэ неловко повертел головой и выдохнул:

— Мне жаль вашего друга, дядя.

— Тебе не жаль, — улыбнулся Гон Пин.

— Вы правы, — улыбнулся в ответ Синь Юэ.

Мужчины продолжили молча идти. Не находясь они в темнице, можно было бы подумать, что это прогулка отца и сына.

У камеры заключённого они остановились.

— А-Юэ, позже ты должен будешь рассказать мне подробности первых убийств. Приговор будет одинаков независимо от твоих показаний, но мне, лично мне нужно знать, как это было. Надеюсь, с этим не будет проблем?

— Нет, дядя. А кто будет выносить приговор?

— Ближний круг господина Фэна — местная знать. Зверское убийство их собутыльника они переодетому парню не простят. И помимо этого, я полагаю, понимание того, что убийца всё это время был так близок и при этом оставался невидимкой поселило в них страх перед собственными подданными и женщинами. «Госпожа Шень» была знакома с ними. Они восхищались «её» совершенством, абсолютно не подозревая о том, кто «она» на самом деле. После того, как вскрывается наружу нечто подобное, трудно не превратиться в тревожного параноика.

Гон Пин достал ключ и отворил тяжёлую металлическую дверь.

— Прошу.

...Синь Юэ остался один на один с заключённым.

Камера была довольно просторной. Потолок, стены и пол, сделанные из железа, были очень холодными.

В противоположной от двери стене строители проделали окошко с решёткой. Оно было ужасно крохотным и располагалось так высоко, что свет практически не попадал в помещение, лишь одинокая свеча, врученная Синь Юэ Гон Пином, позволяла хоть немного различать очертания предметов.

Прямо под окошком был нетолстый наст из сухой травы. На нём спиной к двери лежал Шень Сяо Ми.

Синь Юэ шагнул к заключённому:

— Ми-Ми.

Ответа не последовало. Тогда парень поставил свечу на пол, снял с себя тёплую верхнюю одежду и лёг рядом с Сяо Ми, укрыв их обоих от холода.

— Ми-Ми, — Синь Юэ обнял замёрзшего молодого человека и коснулся губами чужой шеи.

Говорить было не о чем ни тому, ни другому, поэтому они просто лежали в тишине.

— Четыре уважаемых господина и наложница! И это только те, кого мы знаем! Сколько ещё прекрасных и невинных людей загубила эта тварь?!

— И ведь никто ни о чём даже не догадывался! Даже уважаемый господин Гон Пин!

— А ведь получается, что когда-то сам, вы только вдумайтесь, сам Император почти поддался чарам убийцы! Если бы не Её Императорское величество, пострадать мог бы... О небеса! Что я только что сказал!

— Как у тебя только язык повернулся?!

— Но не могли же не заметить в доме Шень, что их девочка — мальчик? Не мог же господин Шень не знать?

— Я сейчас вспомнил. Мне всегда казалась странной семья Шень. У господина Шеня ведь не было ни одного сына, хм, только дочери. Он мне однажды рассказывал, мол, ему нагадали, что сын, который у него родится, убьёт его. Я ещё думал: «Вот так совпадение. Если бы предсказание действительно сбылось? Но оно не сбылось, потому что господину Шеню невероятно везло, ведь у него только девочки».

— А что если Шень Сяо Ми и убил своего отца? Как умер господин Шень?

— В его комнате случился пожар. Говорят, он заснул за рабочим столом и случайно опрокинул свечу во сне.

— Полагаете, это мог подстроить Шень Сяо Ми?

— А что, если это был другой сын?

— Но ведь у господина Шеня были только дочери. Или...

— Сами посудите. Дочерей много. Но оказывается есть и сын, переодетый в девочку и воспитанный в образе девочки. Какова вероятность, что он один такой?

— О боги...

— Думаете, его братья — такие же убийцы?

— Я бы не был в этом так уверен. Мы не знаем, что повлияло на Шень Сяо Ми настолько, что он начал убивать людей со страшной жестокостью. Возможно, и правда, то, что его заставляли играть роль, которую сам он себе не приписывал, было травмирующе. А может, и нет. Может, его всё устраивало. А может, он убивал по другой причине. Не факт, что его братья (если они всё же есть) стали убийцами. Может, после смерти господина Шеня они обрели возможность быть теми, кем они являются.

— А мы знаем причину, по которой Шень Сяо Ми убивал?

— На данном этапе расследования мотивы ещё не определены, — ответил Гон Пин, все это время наблюдавший за дискуссией. — Я сообщу вам, если узнаю.

— Надеемся, уважаемый господин Гон Пин, что случится это в скором времени.

— Пусть это и не дело нашего города, но мне кажется, что кому-то стоит заняться

поисками братьев Шень Сяо Ми, если выяснится, что причиной безумства нашего убийцы стало именно женское платье, надетое на человека, который чувствует себя мужчиной.

— Господин Гон Пин, как мастер своего дела, вероятно, лучше всех справится с этой задачей.

— А что с доктором? Как его...

— Доктор Се Ци?

— Точно! Се Ци! Он ведь, выходит, соучастник? Нет никого, кроме него, кто мог бы изготовить яд Гу, которым и отравили господина Ше.

— А ещё служанка Шень Сяо Ми. Она-то уж наверняка не могла не знать о том, кем является её хозяйка. В конце концов, она ухаживала за Шень Сяо Ми во время приступов её болезни. Она точно знала, но продолжала покрывать.

— У меня ощущение, что мы разворошили пчелиный улей! Сколько бесчестных людей замешано или может быть замешано в этом преступлении! И всё это вертится вокруг фамилии Шень!

— А я всегда знал, что господин Шень на голову больной. Вы вообще видели его дом изнутри? Страшная безвкусица! Вот поэтому-то у них у всех там крыша и поехала!

— Да!

— Это чистая правда!

— Надо запить это. Принесите вина!

Гон Пин вышел на улицу. Дискуссия быстро перетекла в весёлые и торжественные поминки господина Фэна и других почивших.

Солнце медленно заходило за горизонт.

Гон Пин вдруг вспомнил, что пообещал Синь Юэ вернуться ещё днём. Интересно, парень успел испугаться, что его покарают вместе с заключённым?

Мужчина направился в сторону темницы. Пора было серьёзно побеседовать с Синь Юэ.

— Кто?! Кто?!

— Чу-Чу, милая, мне так жаль... — Лу-Лу прикрыла рот ладонью.

— Нет...

Акушерка, не замечая ужаса и скорби в глазах окружавших её женщин, прижала к груди маленького кричащего ребёночка:

— Вот, держите, мамочка. Ваш сыночек. Такой милый мальчик! Крошка! — она протянула грязного после выхода из живота малыша молодой матери.

— Сынок, — протянула потная плачущая женщина с счастьем в голосе и трагизмом на лице. — Сынок. Сынок. Нет. Сыно-ок. Не-е-ет...

— Ну-ну, не плачьте, — улыбнулась акушерка, приняв рыдание матери за своеобразное выражение радости после долгих мук и обретения счастья в виде малыша, — вам сейчас стоит отдохнуть. Давайте я помою мальчика, а вы пока поспите. Потом чистенького его и отцу можно показать...

— Нет!!! — резко вырвалось из Чу-Чу.

Акушерка испуганно сжалась, удивляясь такой реакции.

— «От нервов, что ли?» — думала она.

Лу-Лу попыталась разрулить ситуацию:

— Как в ребёнка-то вцепилась, ха-ха! И пяти минут не прошло, как стала мамой, а уже горой за сына, расставаться отказывается. Давайте мы дальше уже сами, хах! Помоем и отцу покажем. Он через пару недель как раз вернётся, тогда и покажем ему малыша. Дорогая, мы вам так благодарны!

— Ох, ну что вы! Мне в радость! — отмахивалась акушерка, всё ещё удивлённая странным поведением матери и наложниц, обступивших Чу-Чу со всех сторон.

— И всё-таки, — Лу-Лу как бы невзначай настойчиво подталкивала акушерку к выходу, — вы проделали большую работу. Кстати, вы ведь далеко отсюда живёте?

— Да, далековато от вашего города. А почему вы спрашиваете? — изумилась женщина.

— Вам же так долго добираться до дома! Вы поедете в повозке, и это не обсуждается!

— Не стоит, не стоит! Право слово, я на своих двоих пройду. На город хоть погляжу, я ещё никогда тут не была.

— Как же я могу вас после долгих часов работы отпустить пешком в такую даль, дорогая?! А города, они все похожие. На другой город поглядите потом.

— Ох, спасибо, вы...

— И вот, возьмите деньги, — Лу-Лу протянула увесистый мешочек с золотом женщине, — возьмите-возьмите! Вы заслужили.

— Госпожа, здесь слишком много! Мне так неудобно. Я чувствую себя грабительницей какой-то!

— И ещё у меня к вам будет просьба, — как ни в чём не бывало продолжала Лу-Лу, — вы не распространяйтесь особо, что у господина Шеня родился мальчик. По крайней мере, первое время. Плохая примета всё же. Мало ли сглаз какой... Вот, возьмите ещё.

— Спасибо, госпожа, — на руки акушерки опустился ещё один мешочек, не менее

увесистый, чем первый, — конечно, я понимаю. Молчать я умею, уж поверьте. Ещё раз большое спасибо!

— Он был не первым сыном господина Шеня, — Синь Юэ понизил голос, — первого мальчика господин Шень собственноручно...

— Родного сына? — Гон Пин выпучил глаза, не веря в то, что слышит. — Убил родного сына?

— Тогда-то мать Сяо Ми, Чу-Чу, и другие наложницы поняли, что рожать им отныне можно только девочек, — продолжил Синь Юэ свою жуткую историю. — Господин Шень был помешан на том предсказании, причём забавно, что он не был суеверным человеком. В каком-то смысле он сам был виновен в своей гибели. Судьба сыграла с ним злую шутку. Стремлением избежать смерти от рук предсказанного «сына-убийцы» он обрёк своих мальчиков на жизнь в аду без возможности быть теми, кем они являются. И в итоге они ему отомстили. Жестоко. Но их можно понять.

— И все остальные знали? И доктор Се Ци?

— Да и да.

— Неужели господин Шень ничего не подозревал?

— Он был немного странным человеком. Похоже, он действительно верил в то, что если женщине сказать, чтобы она рожала только девочек, она будет рожать только девочек.

— Это какое-то безумие.

— Вы полагаете, я это выдумал? Или это выдумал Шень Сяо Ми?

— Я верю. Но в чём провинились другие?

— *Какой позор. Какая мерзость.*

Господин Ше рвал волосы на голове. Что ещё за жабу он выиграл? Что за насмешка небес? Он брал в жёны женщину! Он был уверен, что женщину! Но наступила ночь, и правда вылезла наружу! Как мерзко. Как от-вра-ти-тель-но.

Парнишка, совсем ещё зелёный, смотрел настороженно и обречённо, но с достоинством, сбрасывая с себя халат. Он объяснял, что так сложились обстоятельства, но он готов исполнять все обязательства жены, за одним лишь исключением — детей он родить не сможет никак.

Но господину Ше не нужны были увещевания юнца. Ему была нужна женщина. Настоящая женщина. С грудью и вагиной. А не извращённая подделка, которую не пойми как до сих пор окружающие воспринимают, как божественно прекрасную женщину.

— Господин Ше, прошу, поймите...

Ше не собирался ничего понимать. Он на это не подписывался.

— *Какой позор, какой позор, — ходил по комнате уже не молодой муж.*

— *«Какой позор будет, если кто-то узнает».*

— *А если никто не узнает, — словно прочитав чужие мысли, вымолвил парень, — то никакого позора и не будет.*

Этот довод был единственной причиной, по которой господин Ше терпел в своём доме «жену».

Наедине с «ней» он позволял себе выражения, куда более эмоционально окрашенные, чем слово «жена».

Шень Сяо Ми привык получать лишь комплименты в свой адрес. Он не понимал, как господин Ше мог восхищаться прекрасным лицом женщины и плевать на оскорбления при виде лица мужчины, учитывая, что это было одно и то же лицо. Во время первого

знакомства Шень только и слышал, что: «Совершенство, совершенство, совершенство». Так контрастировали на этом фоне: «Урод, убожество, животное, чтоб ты сдох в муках, как уличная собака».

Доктор Се Ци, верный семье Шень и Сяо Ми лично, очень помог своим ядом.

— «Кто ещё из нас двоих умрёт в муках».

Господин Ше спал так беззаботно и по-детски невинно, пока Сяо Ми отравлял его обед.

— Так значит, он убил его из-за постоянного давления и оскорблений?

— Да. Они были связаны вместе, без возможности вырваться. Господин Ше срывался на Сяо Ми. А Сяо Ми просто устал от этого.

— Господин Ли?

— Со вторым мужем всё было совершенно по-другому.

— Тебе следует быть осторожнее. А если бы кто-то вошёл?

На кровати господина Ли распластался обнажённый Шень Сяо Ми. Увидев супруга юноша подполз к краю и игриво подмигнул:

— Так кто-то и вошёл.

— Кто? — насторожился Ли Цзе.

— Ты! — звонко рассмеялся молодой человек. — Ты и вошёл! Я скучал по тебе, — добавил он тише и положил голову на плечо мужа.

— И я, — Ли Цзе с любовью провёл рукой по волосам Сяо Ми и поцеловал его.

Сяо Ми считал Ли Цзе потрясающим человеком. Внешне непривлекательный, ниже своей «жены», очень тихий, он был невероятно добрым и ласковым, заботливым. Ли Цзе относился к Шень Сяо Ми одинаково хорошо и с любовью как до того, как узнал, что Шень — мужчина, так и после.

Сяо Ми чувствовал нежность и уважение со стороны мужа и старался отвечать ему тем же.

Их комплименты друг другу, заигрывания и любовное мурлыканье не были притворством. Любовь в доме Ли витала в воздухе, и жители поместья это чувствовали.

— Значит, господин Ли действительно умер своей смертью?

— Не совсем.

Уже и не вспомнить, из-за чего началась ссора. Между супругами, конечно, возникали конфликты, но довольно редко, да и мирились они быстро. Это был всего лишь очередной спор из-за какой-то мелочи.

Господин Ли сидел на диване в супружеской комнате и покачивался вперёд-назад. Он так устал, что даже покрылся красными пятнами...

— Я просто не понимаю, что с тобой не так!.. — в то время как его муж, обычно спокойный, даже безэмоциональный, только вошёл во вкус. Шень кричал, пусть и не так громко, чтобы слуги в другой части дома забеспокоились. Однако голос его то подскакивал вверх, становясь очень высоким, и парень звучал как женщина, то падал вниз и делался похожим на голос сорокалетнего пожившего жизнь крестьянина.

— Ми-Ми, ладно тебе. Давай успокаивайся, — господин Ли тяжело дышал, и всё, чего ему сейчас хотелось — это тишины и покоя.

— Я только начал! — Шень уже плохо помнил, что он там начал, но продолжить он был обязан.

Он ходил по комнате широким шагом и пинал воздух, обзлётанный на него и на всех, кто

им дышал. Он рычал и закатывал глаза, пока по невнимательности ударил не воздух, а стену, и схватился за ногу, пронзённую болью.

— Ми-Ми, ты в порядке?

Шень повернулся, забрался на кровать и навис над лежащим мужем:

— А что, хочешь, чтобы было не в порядке?

— Хочу, чтобы всё было в порядке... — плохо соображая от духоты в комнате, ответил Ли.

Грудь мужчины свело острой болью, а конечности ослабли. Каждый вдох давался с трудом.

— Сл-слезь с меня... Ми-Ми... Не... Могу...

— Чего ты не можешь? Чего не можешь? — злорадно улыбаясь, издевался Шень. Он то ли не замечал, что его мужу плохо, то ли очень даже хорошо замечал и радовался, теша свои садистские желания.

— Не могу... ды-дышать... — голос господина Ли превратился в едва слышный хрип с присвистом. — По-зо-ви ле-ка... Э-экс...Эхэ...

Шень Сяо Ми замолчал вместе с мужем. Несколько секунд он с нервной улыбкой рассматривал застывший взгляд «дорогого Ли Цзе», кривоватый нос, мокрый от пота, раскрытый рот. Затем дикий, весёлый смех вырвался из груди Шень. Он хохотал до слёз в глазах, не в силах успокоиться. Почему-то ему было так смешно, эта ситуация казалась ему невероятно забавной. Он подпрыгивал на кровати и тряс за плечи мужа.

— Ты сдался, дорогой Ли Цзе?! Ты сдался?! Ты сдался! Я победил тебя! Ты проиграл спор, Ли Цзе! Ха-ха! Признай своё поражение, милый! Ты выбыл! Ты вы-был! А-ха-ха!

Шень, не помня себя, носился по комнате, хохоча. Он не знал, сколько времени прошло. В один момент он остановился и замолк. Его горло начало болеть. Шень постоял в тишине с минуту и открыл дверь.

Госпожа Ли отчаянно закричала в пустой коридор:

— Помогите! Он мёртв! О небеса, мой муж мёртв!

Парень закрыл дверь и быстро накинул на себя покрывало, скрыв тело и безумную улыбку.

Чу-Чу и пятеро слуг ворвались в комнату и увидели неподвижного господина Ли на кровати, а его жену — на полу.

— Неужели господин Ли умер?

— Как такое могло произойти?

— Бедная госпожа Ли!

Чу-Чу опустилась на пол перед госпожой Ли, заслонив собой сына от посторонних глаз.

— Что ты сделал? — прошептала женщина, глядя Сяо Ми по щеке.

— Он сам, — сдерживая смех, ответил парень и весело улыбнулся матери.

...

— Третий муж точно погиб не «сам».

— Но в своей смерти он был тоже виноват, — хмыкнул Синь Юэ.

За несколько месяцев в браке господин Луан, занятый добычей денег, так и не познал тайну тела своей «жены» и пребывал в неведении и том, кем она является. Госпожа Шень была, без сомнения, очаровательна, но уж больно худа. Господин Луан предпочитал женщин помягче на ощупь, а ещё больше он предпочитал деньги. Даже брак с Шень был

заклѹчѣн не без их участия: играли они с господами из игорного дома на спор — кто победит, тот и женится на недавно овдовевшей красавице и деньги со стола получает в придачу. Господину Луану в тот вечер везло.

Шень Сяо Ми была украшением его сада, цветком, который он не срывал, но зато всем подряд показывал. Относился он к жене и правда как к вещи. Складывалось впечатление, что он не жену приобнимает, а скамейкой перед гостями вертит, показывая её со всех сторон и предлагая погладить. В те редкие моменты, когда он вспоминал, что тело в его руках — его жена, он даже мог поговорить с телом. Одинаково, с лёгкостью и игривостью он общался с Шень Сяо Ми и со своей собакой. Можно представить, как его жена была «рада» такому отношению.

— Так что он сам его довёл.

— Я понимаю, но... — Гон Пин вспомнил изувеченное тело третьего мужа, — переломанные руки, разmozжѣнный сустав, гематомы. И он задушил его собственными руками.

— Очень сильно довёл, — покачал головой Синь Юэ.

Гон Пин со вздохом сделал заметку на бумаге: «...из-за бесчеловечного отношения».

Пожилой судья пригладил козлиную бородку и недовольно хмыкнул:

— Гон Пин, я понимаю, что, возможно, и присутствуют, м-м, некоторые смягчающие обстоятельства. М-да... Но! М-м, а кому легко?

Уважаемые господа одобрительно закивали и замычали.

— Да и, господин Гон Пин, м-м, я даже не думал, что вы будете оправдывать, м-м, убийцу, — осторожно, но с осуждением заметил судья. — Всё-таки покойный господин Фэн, насколько мне известно, был вашим, м-м, другом? Или я не прав? М-м?

— Господин судья, боюсь, что вы не совсем понимаете, причины, по которым я говорю о смягчающих обстоятельствах. Видите ли, как человек, для которого справедливость и совесть имеют большое значение, я считаю для себя недопустимым однобокий взгляд на поступки человека. Я стараюсь учитывать всё: от тяжести и формы жестокости преступления до внутренних и внешних причин. Вы и уважаемые господа однозначно встали на сторону обвинения и призыва к наиболее жестокому наказанию. Чтобы отдать долг совести, я должен стать противовесом.

Гон Пин вежливо поклонился. На лице его за всю речь не промелькнула ни одна эмоция.

— М-да... М-да... Что ж... Я вас понял... — судья перевёл взгляд на господ, всё заседание активно кивавших ему, и увидел в их глазах высокомерную непреклонность. — Желает ли кто-то поддержать господина Гон Пина? Или высказать иные предложения?

Мужчины молчали.

— В таком случае, как и было решено ранее, преступник будет казнён завтра на закате! А теперь прошу всех из зала! Через два часа будем отмечать очередной день поминок!

В дверях Гон Пина встретил бледный Синь Юэ. Опустошённый, но смирившийся с будущим, он печально улыбнулся дяде и направился вместе с ним по дороге, ведущей в темницу.

— Хочешь ли ты, чтобы я озвучил ему приговор? Ты знаешь, это не положено, чтобы смертник не свёл счёты с жизнью раньше назначенного самостоятельно, однако...

— Ты ведь не дашь нам уйти живыми?

— Он совершил преступление и должен ответить.

— Ты такой правильный, дядя... — вздохнул Синь Юэ одновременно с огорчением и уважением к чужим принципам. — И всё-таки это слишком жестоко.

— Слишком.

— Я скажу ему.

— Скажи. Я дам вам время.

...

Помощник Бай распорядился поставить в камере Шень бочку с чистой водой, и Сяо Ми смог, наконец, отмыться от чужой крови. Вошедшего Синь Юэ он встретил расчёсывающим волосы.

— Привет.

— Привет.

Синь Юэ неловко потоптался на месте и уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Шень опередил его:

— Ты расскажешь мне, как меня убьют? — парень мило улыбнулся и поправил волосы.

— Ах!.. — не то сражённо, не то отчаянно выдохнул Синь Юэ. Он опустился на колени рядом с Сяо Ми.

Шень выглядел совершенно спокойно, даже расслабленно, будто не пребывал в холодной и грязной камере и не знал о том, что уже завтра его жизнь угаснет.

— Они хотят... Они хотят подвесить те... кхм, подвесить за руки на площади и...

Шень наклонил голову и попытался заглянуть в глаза молодому человеку:

— И что? Пырнут ножом? Задушат? Забьют камнями? Ха-ха, — Сяо Ми в отличие от Синь Юэ почему-то было весело.

— Они... Они хотят срезать тебе лицо...

Шень побледнел. Веселье в его глазах сменилось шоком.

Синь Юэ продолжил:

— Они долго думали над наказанием для тебя. Они не хотели просто казнить. Это было бы слишком просто. Они решили, что забрать у тебя что-то важное будет достаточно жестоко. А что для тебя может быть важнее, чем... твоё лицо... Твоя красота...

— Моё лицо?.. — повторил Шень Сяо Ми, смотря в никуда.

— Они бы оставили тебя висеть на площади, без лица. Умирать от истощения. Такая мучительная смерть... Что может быть ужаснее?

— Люди увидели бы меня некрасивым... Меня — некрасивым... Некрасивым... — Шень обнял себя за плечи дрожащими руками. Впервые в жизни ему было так страшно.

Синь Юэ вспомнился вечер покушения на господина Фэна. Сяо Ми тогда улыбался ему. Но он видел, что в глазах его была не только напускная нежность. Он смотрел внимательно, вопросительно, удивлённо, ожидающе, даже выжидающе. Щёки были втянуты, а лицо пугало мертвенной бледностью, холодом, безумием. Он был похож на голодного хищника, который, не мигая, смотрит на жертву, будто видит каждое движение и, кажется, слышит, как лихорадочно носятся в голове мысли. Одна ошибка — и острые когти вонзятся в мясо, разорвут в одну секунду, клыки вцепятся в незащитную шею. А ты даже не успеешь, не сможешь пошевелиться — слишком внезапно, слишком страшно. И единственное, о чём ты думаешь, находясь в пожирающем каждую твою клетку ужасе, — смерть.

Сейчас жертвой был Сяо Ми. Сейчас он смотрел в пугающие глаза уродливой смерти, боясь пошевелиться. Но гораздо, гораздо страшнее, даже страшнее, чем смерть, для него было лишиться своего лица, перестать быть прекрасным, перестать быть совершенством.

— А-Юэ! А-Юэ! — Сяо Ми бросился на колени Синь Юэ и обхватил того за шею. — А-Юэ! Пожалуйста, помоги мне! Пожалуйста, помоги! Мне нельзя... Я не могу... Я не хочу так... Нет, нет, нет!..

— Тише, тише, Ми-Ми. Я помогу тебе, помогу...

— Правда поможешь?

— Правда.

...

— Мне очень жаль, господин судья, — Гон Пин принял максимально прискорбный вид, — но я вынужден разочаровать вас и достопочтенных господ. Дело в том, что убийца Шень Сяо Ми лишил себя жизни в своей камере этой ночью. Прошу прощения, что недоглядел.

— Что?..

— Как?..

— Он так просто избежал наказания?..

— И какой теперь смысл отрезать лицо мертвецу?..

— А я уже приказал накрыть столы на площади...

— Господин Гон Пин, как это произошло?

— Преступник вскрыл себе вены кинжалом. Оружие, вероятно, осталось в темнице от охранника, который обвинялся в краже и отбывал наказание в той же камере, в которой был заперт Шень Сяо Ми.

— Ох... М-м... И что же нам делать теперь?

— Господа, труп уже начал разлагаться, так что предлагаю закопать его как можно скорее. Или сжечь, как вам будет угодно. Только прикажите — и мои помощники избавятся от тела.

— Думаю, мы можем доверить это господину Гон Пину.

...

Закатное солнце раскрашивало зелёные листья ивы в кроваво-красный цвет.

Синь Юэ протёр свой кинжал, спрятал обратно в ножны и улыбнулся тёплым лучам. Почему-то сейчас ему было невероятно легко, пусть и немного печально. Чу-Чу ночью уже все глаза выплакала, и поэтому стояла рядом с ним разбитая и уставшая.

Доктор Се Ци нервно оглядывался по сторонам, боясь, что за ними мог наблюдать кто-то посторонний. Они вместе с матерью Сяо Ми шли по делу как сообщники и должны были тоже понести наказание. После похорон они собирались разойтись. Вернее, Синь Юэ намеревался вернуться в столицу, а доктор вместе Чу-Чу отправились бы в южные деревни, в которых хорошие знакомые Се приняли бы их с распростёртыми объятиями.

— Долго ещё? — поинтересовался мужчина у художника, сидевшего рядом с телом Сяо Ми и старательно выводящего линии на бумаге.

— Не торопите его. Всё должно быть идеально, — Синь Юэ положил руку на плеч портретиста, — господин, главное — точность. Не спешите. Прошу вас.

— Молодой господин, не переживайте. Портрет всё равно почти закончен. Я начал ещё утром, так что у меня было вполне достаточно времени. Признаться, для меня это совершенно новый опыт. Мне впервые приходится писать портрет с мёртвого лица. Но... Эта картина однозначно будет лучшей из моих работ.

— Не забудьте, что вам придётся расстаться с этой работой и отослать её мне.

— О, не волнуйтесь, молодой господин. Я обязательно отправлю её вам. Но для начала я перерисую такую же и для своей коллекции. Это займёт не более одного-двух дней.

Спокойное белое лицо Шень было неподвижно. Казалось, юноша спит. Кожа была холодной, как земля, которая вот-вот должна принять в себя мёртвое тело. Ресницы не подрагивали, как это часто бывает, когда человек дремлет. Дыхания не было слышно, грудь не вздымалась.

— «Мёртвый человек позирует лучше живых», — мысленно отметил художник. Он сделал последний штрих кистью и поднял взгляд на заказчика.

— Как желаете назвать картину?

— Я не очень хорош в этом, так что на ваш вкус. Как бы вы её назвали?

— Совершенство.

Больше книг на сайте - Knigoed.net